

I. “ХВАТИТ БРЕХАТЬ, РЕБЯТА...”

22 декабря 2017 года и. о. председателя правления Союза писателей России Николай Иванов опубликовал в Фейсбуке следующую запись: “С 1991 года у Союза писателей России нет никакой собственности. Собственность осталась в Международном литфонде и Литфонде России, которые стали самостоятельными юрлицами, не имеющими к союзу никакого отношения. Так получилось в те времена. Делёж собственности проходит именно в этих структурах...”. Эта запись Николая Иванова появилась фактически накануне очередного съезда писателей России (он, напомним, состоялся 15-16 февраля). Возникает вопрос: с какой целью руководитель писательского союза (пусть и временно исполняющий обязанности) вдруг пожелал вбросить в писательскую среду разговор о собственности? Ведь, насколько нам известно, ранее ничего подобного он не заявлял.

После этого заявления Иванова ему от имени Президиума “Литературного сообщества писателей России” и “Общероссийского литературного сообщества” было направлено следующее послание, опубликованное в литфондовской “Литературной газете” № 1 за январь 2018 года: **“Перечитаем ещё раз первую фразу в фейсбучной записи: “С 1991 года у Союза писателей России нет никакой собственности”. Ну, нет так нет. Но... до 1991 года, оказывается, была? А если была, то куда она девалась? Этому Н. Иванов даёт своё объяснение: “Собственность осталась в Международном литфонде и Литфонде России”.**

Конечно, для того чтобы пересказать перипетии, происходившие с писательской собственностью, пришлось бы исписать не одну сотню страниц. Да и особой надобности в этом нет, поскольку желающие узнать подробности сей весьма скандальной истории могут легко это осуществить, воспользовавшись услугами интернета: там хранятся не только многочисленные статьи, но и решения арбитражных судов, в которых подробно изложено всё, что касается злополучной писательской собственности.

Вопрос в другом: почему Н. Иванов, как говорится, одним росчерком пера снял с СП России ответственность за писательское имущество? Потому что действительно не знаком с историей вопроса (что весьма сомнительно) или старался заглушить большую тему собственности, которая могла всплыть в прениях на съезде?

* Так называл себя съезд ЦК ВКП(б), состоявшийся в 1934 году, большинство участников которого, если верить лживому докладу Хрущева на XX съезде КПСС, были репрессированы в 1937 году.

Идём дальше. Николай Иванов утверждает, что Международный литфонд и Литфонд России стали самостоятельными юридическими лицами. Это верно. Но на каком основании он считает, что данные писательские организации не имеют к союзу никакого отношения? Как можно, например, не знать или нарочно забыть, что Литературный фонд России (ныне Литературное сообщество писателей России) в абсолютном своём большинстве состоит из писателей? То есть члены Литфонда и члены писательского союза (писательских союзов) — одни и те же люди! И уже по одной этой причине непозволительно должностному лицу, коим является Николай Иванов, проявлять к своим коллегам по творческому цеху неуважение и пренебрежение. Или за этим кроется какой-то непонятный для нас смысл?

А кроется он, пожалуй, в последней фразе: “Делёж собственности происходит именно в этих структурах...”.

Итак, Николай Иванов считает, что в Литературном сообществе писателей России и Общероссийском литературном сообществе идёт делёж писательской собственности. Хотя мы до сих пор считали (и продолжаем доказывать в многочисленных судах!), что на самом деле идёт рейдерский захват этой самой писательской собственности, организованный рядом высокопоставленных чиновников федерального уровня, в том числе из Администрации Президента РФ, Минэкономразвития РФ, Следственного комитета... При этом мы были уверены, что руководство Союза писателей России поддерживает нас в этой трудной, но справедливой борьбе, от исхода которой во многом зависит судьба всего писательского сообщества.

И вот и. о. председателя СП России Н. Иванов попытался не только посеять сомнение в нашей честной и справедливой позиции, но и взял на себя право обвинить руководство Литературного сообщества писателей России и Общероссийского литературного сообщества в неблагоприятных действиях. Что ж, в наше паскудное время и не такое может быть...

Но поскольку это было не просто мнение писателя, а позиция сопредседателя правления Союза писателей России, исполняющего до съезда обязанности председателя, хотелось бы всё же услышать от Вас, Николай Фёдорович, ответы на следующие вопросы:

— В результате чего и в каком году Литературный фонд России получил юридическую самостоятельность?

— Участвовал ли Союз писателей России в деятельности Литературного фонда России (заклучал договоры о сотрудничестве, направлял делегатов на отчётно-выборные конференции)?

— Какая часть движимого и недвижимого имущества Литературного фонда СССР отошла Союзу писателей РСФСР (России) и какова его дальнейшая судьба?

— Как и почему был утрачен контроль над зданием Союза писателей России (Москва, Комсомольский проспект, 13), переданным ему правительством РСФСР?

— Располагаете ли Вы конкретными фактами того, кто и когда в Международном литфонде и Литературном фонде России занимался “делёжом собственности”?”

Николай Иванов на все эти вопросы не ответил, но почему-то написал лишь мне личное письмо о том, что где-то на каком-то собрании что-то говорил на эту тему, а потом якобы какой-то неведомый ему провокатор слепил из отдельных его фраз это высказывание о судьбе писательской собственности, с намерением осложнить или сорвать работу съезда. Неприятно было читать это путаное и бестолковое объяснение бывшего офицера, не состоявшего в руководстве СП России в 90-е годы и потому не должного самонадеянно утверждать, была ли в это время у писателей собственность или её не было.

Она была в виде 30% акций всего имущества ИПО писателей России, в виде типографии с оборудованием, в виде рабочих площадей шестизэтажного здания, гаражей автопарка, ремонтных мастерских и подсобных помещений — всего более 20 тысяч кв. м. Я, будучи главредом журнала “Наш современник”, состоявшего в этой системе собственности, знал об этом и о том, какую баснословную прибыль приносит ИПО мой журнал со своим полумиллионным

тиражом. И уходя из-под “опеки” ИПО писателей, попросил у генерального директора ИПО Головачанского хотя бы 5% акций на первое время самостоятельной жизни. Но мне было сказано: “Проси у руководства СП России”. Я просил об этом Ганичева и Лыкошина, но не выпросил. А ведь у них кроме “цветно-бульварного имущества” и на Комсомольском был трёхэтажный дворец с несколькими тысячами квадратных метров площади.

Чтобы долго не гадать сегодня о судьбе собственности, принадлежавшей Союзу писателей России вплоть до 2001 года, я обратился к И. И. Переверзину, который в то смутное время сотрудничал с ИПО писателей России и с Союзом писателей гораздо плотнее, нежели я, плохо разбиравшийся в приватизационных и акционерных делах. И вот что я услышал от него:

— Поскольку Ганичев за весь период существования ИПО не получал с этих 30% никаких денег, я предложил ему оформить мне доверенность на управление этими 30%, чтобы заставить А. С. Головачанского прекратить жульничество и выплачивать Союзу писателей в соответствии с доходами ИПО положенные дивиденды. Получив от Ганичева доверенность, я сразу же заключил договор с фирмой, которая производила оценку недвижимости, и оценщики определили стоимость 30% писательских акций в 12 млн тогдашних долларов. Документы, подтверждающие эту оценку, у меня есть. Естественно, я встретился с Генеральным директором ИПО А.С. Головачанским и настоял на том, чтобы он выплачивал Союзу писателей ежегодные дивиденды. Они были по тем времена небольшими (от 1 до 1,5 миллиона рублей), но постоянными и не раз выручали СП России. Однако вдруг Ганичев неожиданно, не объясняя мне причин, отозвал данную мне им же доверенность на управление этими процентами. Ну, отозвал и отозвал, мало ли какие планы у человека, руководящего организацией, имеющей статус самостоятельного юридического лица.

Однако мне вскоре позвонил Сергей Лыкошин, первый заместитель Ганичева, и огорчённо сказал, что весь 30-процентный пакет этих акций продан. Я спросил: — За сколько? — И слышу в ответ: — Ты сидишь или стоишь? — Сиджу в кресле, — ответил я. — Ну тогда держись крепче: на счёт Союза писателей России поступило всего 50000 долларов... Всё еще не веря в то, что Ганичев пошёл на сделку с совестью, я спросил у Лыкошина: — А как ты мне это докажешь? И в ответ услышал: — Бухгалтерская проводка.

Ну что, хозяин-барин! Мне ничего не оставалось, как глубоко вдохнуть и выдохнуть. Через некоторое время я узнал, что необходимость срочной продажи акций объяснялась тем, что на Комсомольском, 13 надо было чинить вконец прохудившуюся крышу. Но время шло, а крышу почему-то не ремонтировали, и вместо этого купили какую-то дорогую портативную типографию, запустив которую в работу Союз писателей рассчитывал зарабатывать деньги...

На этом наш разговор с Переверзиным завершился, а я тоже вспомнил, как гордился этой типографией генеральный директор СП России Юра Лопусов, как он не раз заводил меня в комнату, где она стояла, упакованная в громадных коробках, обещал вскоре наладить её работу, одновременно совал мне в сумку какие-то свои юмористические зарисовки о жизни писателей, а другой рукою уже наливал в стопки, по его словам, наилучший молдавский коньяк... Короче говоря, коробки из комнаты вскоре куда-то испарились. Куда? Об этом знает, если помнит, Юра Лопусов, недавно вышедший на пенсию, о чём торжественно заявил на недавнем секретариате 6 марта новый председатель СП России Николай Иванов, назвавший Лопусова “легендарным человеком”. Ещё бы! Была типография и вдруг исчезла, была собственность в 12 миллионов долларов — и нет её. Такие дела могут совершать только легендарные люди!

А сейчас у СП России от тех “легендарных” тридцати процентов не осталось ни “крыши на дворце”, ни “типографии”, ни газеты “Российский писатель” (выпускается только к съездам), ни собственного сайта (писательский сайт принадлежит Н. Дорошенко), ни Лопусова в качестве завхоза. Словом, ни дна, ни покрышки. В собственности остались лишь бумажные протоколы 15-го юбилейного и тоже “легендарного” съезда.

Так что в вопросах о собственности, уважаемый Николай Фёдорович, и о том, что её “делили в литфондах”, надо или всё знать точно, или вообще не открывать рта. Не буди лихо, пока оно тихо.

Твои слова, Николай Фёдорович, о **“дележе собственности в Литфондах”** воспринялись перед съездом как материал, написанный (хотя и бездоказательный) для Следственного комитета. И странно, что ты, полицейский человек в прошлом, не понимаешь того, что одной этой фразы достаточно, чтобы заподозрить руководство Литфондов в **“разделах имущества”**, то есть, если говорить прямо – в воровстве. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. После твоих слов, конечно, последовал естественный шаг в нашей писательской избирательной компании: “делящих имущество” – руководителей Литфонда (его председатель Переверзин, а его зам. Куняев) нельзя выбирать делегатами на 15-й съезд. И вы всё сделали, чтобы этого не произошло. Лишь за 10 дней до съезда люди, сочувствующие нам и не верящие в твою вольную или невольную клевету, приложили все усилия, чтобы исправить положение и чтобы мы с Переверзиным попали в число делегатов. Но после твоих намёков о “дележе собственности” во многих СМИ началась настоящая травля меня, Переверзина и писателей, работавших в обоих Литфондах.

Александр Бобров: “Читаю на сайте Лит. России, что интригу завязал мой давний друг и старший товарищ Станислав Куняев. Но с какой стати? Только потому, что Куняев не попал в число делегатов. Глазам не поверил”.

А то, Саша, что меня, главного редактора лучшего литературного журнала России, где ты постоянно печатаешься, избранного сопредседателем правления Союза писателей России на калужском съезде, сегодня демонстративно и унижительно, благодаря интригам руководства СП, не выбрали делегатом на 15-й съезд – это тебя не возмутило, не оскорбило, не озадачило? И ты пошёл дальше сочинять своим умом, что произошло это “несправедливое” избрание якобы потому, что за Куняевым “ковыляет в связке” (дальше ты пишешь так) **“председатель разграбленного Лит. фонда, специалист по проигрыванию судебных дел – Иван Переверзин”**.

Откуда ты взял, что “Литфонд разграблен”? Выдумал или брякнул с чужих слов? Российский Литфонд живёт и здравствует, зарплату всем руководителям местных отделений в 60-ти субъектах федерации давно платит (почему-то ты эту зарплату называешь “подкупом в преддверии съезда”, но Бог тебе судья, коль ты веришь лживым языкам огрызки и дороженки). А то, что Ивана Переверзина, умело зарабатывающего деньги и на проведение наших съездов и пленумов, и совещаний молодых писателей и переводчиков, издающего на эти деньги книги наших многих писателей России и состоявших в СП СССР, не раз выручавшего Союз писателей России выплатой коммунальных долгов, которых “комсомольцы” (те, кто на Комсомольском) были не в силах сами погасить, помогающего деньгами писателям на лекарства и лечение (я знаю что говорю, я работал рядом с ним 5 лет), – то, что этого умелого руководителя, являющегося на сегодня заместителем председателя СП России Ганичева, – по планам ганичевского окружения, как и меня, тоже не выбрали на съезд, ты считаешь справедливым и нормальным? Не я на калужском съезде выбрал его заместителем Ганичева, это сделал сам Валерий Николаевич, зная деловые способности Переверзина. Так постыдился бы ты хоть перед Валерием Николаевичем, сделавшим в Калуге свой выбор. А то, что Литфонд проиграл суд по поводу Переделкино – это случилось в результате коварного и продуманного заговора многих людей, которым мы с Переверзиным в своё время перешли дорогу, когда они захотели приватизировать дачи в Переделкино. Называю их фамилии – Ф. Кузнецов, Е. Сидоров, В. Личутин, Н. Кондакова, Ю. Поляков, Г. Зайцев и другие. И дело это было провернуто нашими “независимыми” судами. Такое в нашей стране бывает, так похожим образом была изъята собственность в своё время и у Академии наук. Так вместо того, чтоб сплотить усилия от посягательства чиновников на писательскую собственность, в наших рядах нашлись враги Литфонда, которые помогли судам отобрать её у писателей, владевших ею аж с середины 30-х годов. Это стало вторым поражением писателей после 90-х годов, когда мы потеряли Дома творчества, поликлинику, пионерлагеря, издательства. Только не списывайте всё это на Переверзина, приехавшего в Москву в 2000 году, когда этот грабёж был уже закончен. И вот дожили ограбленные государством писатели до 15-го съезда, а ты, Саша Бобров, всё долбишь, как дятел: **“Выступаю резко и безоглядно не против поэта Куняева, а неприемлемой кандидатуры вкупе с рвущимся к очередному посту Переверзину”**.

Ты хотя бы собрался, Саша, что я выступаю не только от своего имени. В начале февраля собрались несколько сопредседателей, но знающих, как идёт подготовка к съезду, как работает секретариат в лице двух Ивановых и Котьяло, как прошли выборы делегатов. Кстати, к этому времени сопредседатели узнали, что ни Станислав Куняев, ни Иван Переверзин не выбраны делегатами, это тем более озадачило их, собравшихся в составе — В. Крупин, Л. Баранова, А. Лиханов, К. Скворцов, И. Переверзин, В. Сорокин, Ст. Куняев. Эти “аксакалы” пригласили на своё собрание и. о. председателя СП России Н. Иванова и секретаря Г. Иванова, которые в это же время заседали на Комсомольском, не удосужившись пригласить к себе сопредседателей. Ну тогда, коли гора не идёт к Магомету, мы пригласили их к себе. Оба Ивановых демонстративно не приехали, и тогда семеро аксакалов задумались о судьбе съезда и о будущем председателе СП России. С большим трудом они уговорили меня дать согласие на то, чтобы я выставил свою кандидатуру на должность председателя.

Но дальше события стали развиваться по закону цветных революций: у кого интернет, у кого сайты, у кого пресса — тот и должен победить вопреки всем законам правды и справедливости. На сайте Союза писателей вышла малява Николая Дорошенко, в которой Дорошенко писал обо мне: “... всё наше уважение к нему вдруг отдал на службу писательскому олигарху Переверзину”, но Переверзин не олигарх и не вчера свалился в наш писательский мир. Он стоял у истоков работы Литфонда с 2000 года, куда его рекомендовал вместо себя наш замечательный покойный друг Сергей Лыкошин, после чего Переверзин в разные времена как один из толковых и умелых руководителей Литфонда работал в паре с Юрием Поляковым, с Феликсом Кузнецовым, был приглашён в МСПС самим Михалковым на должность первого секретаря. При нём и благодаря его усилиям к началу 2000 годов писатели выбросили из Литфонда некоего Голумяна, на короткое время захватившего власть в Литфонде, после чего мы получили все свидетельства на собственность (которых до Переверзина не было) и сохранили её для писателей, создали 76 отделений Литфонда в РФ с денежными окладами для каждого, увеличили неотложную денежную помощь больным и престарелым писателям с 1 до 15 тысяч рублей, купили для российского Литфонда 3-этажное здание на Гоголевском бульваре, а также несколько квартир, на деньги от сдачи в аренду которых до сих пор мы помогаем писателям... Это всё проходило в начале двухтысячных годов, когда защищать общественное имущество было опасно. Поэтому в 2002 году была попытка покушения на Переверзина с избиением и травмами, в 2012 году на него было совершено нападение в его собственном кабинете на Усиевича, 8. Но вы вправе спросить: коль он был таким “фартовым” менеджером, то почему он стал негоден писателям в 2007 году, почему в этот год к нему изменилось отношение? А всё очень просто: группа переделкинцев, возглавляемая Ю. Поляковым и Ф. Кузнецовым, решила провести окончательную приватизацию дач в Переделкино. Составили план, связанный с затратами на ремонт, — и как следствие этого плана — схему приватизации. Потратил ты на ремонт, допустим, десять тысяч рублей, с тобой заключают договор на 5 лет, потратил втрое больше — на 25 лет, а если потратил больше миллиона, то получаешь право на приватизацию дачи с участком. Переверзин с негодованием отказался подписывать такие документы, и эта шайка попыталась уволить с должности директора Литфонда. Но приватизаторы, к счастью, не успели довести дело до конца. Здоровые силы Литфонда организовали 7-ю отчётно-выборную конференцию, решения которой окончательно похоронили планы приватизаторов. Итог этой длительной борьбы был таков: когда я пришёл в 2007 году в Литфонд, его годовой бюджет был 10 миллионов рублей. Денег не хватало — потому, что много уходило на юристов, защищавших нас от приватизаторов. Но к 2013 году, всего лишь через 6 лет, бюджет Международного Литфонда вырос с 10 до 100 миллионов рублей, и на эти деньги мы сумели отремонтировать наш дворец-дом Ростовых, отремонтировать 20 дач в Переделкино, обновить канализацию, водопроводную систему, электропроводку и возвести почти с нуля полуразрушенный Дом творчества в ленинградском посёлке Комарово, что обошлось нам в 30 миллионов рублей, но он открылся в присутствии всех Санкт-петербургских писателей для их работы и радости.

Я думаю, что большинство откликов, пришедших на сайт “Российского писателя”, на сайт “Литературной России” и “Советской России”, в социальную

сеть “Фейсбук”, — это в основном плоды мысли и творчества начинающих и малоизвестных писателей из местных организаций, писателей, которым очень хочется хоть как-то поучаствовать в работе съезда, куда уехали их руководители, давшие обещания аппаратчикам и функционерам из нынешнего секретариата “правильно” проголосовать 15 февраля 2018 года. Судя по множеству откликов, появившихся в сетях и на сайтах, эти делегаты или “неделегаты” даже не читали произведений своего будущего председателя Союза писателей России Николая Фёдоровича Иванова. Я, печатавший почти всё им написанное с начала 90-х годов прошлого века и до начала двухтысячного, подзабыв содержание, всё-таки помнил названия некоторых его повестей и рассказов. А писатели с “читателями” или просто отработывавшие рассылку слоганов, лозунгов, восклицаний в поддержку Иванова, ни разу не восхитились каким-либо его произведением, ни разу не рассказали нам об особенностях его таланта, а славил его не как писателя, но всего лишь как человека с погонами.

Впрочем, неподготовленность съезда к работе заключалась не только в грубом нарушении квот на число делегатов из писательских организаций, или в мелких либо крупных нарушениях процедуры голосования, либо в нарушении Устава или Закона об общественных организациях.

Нет, на мой взгляд, ущербность съезда носит более глубокий характер. В отчётном докладе правления и выступлениях, по существу, не было никакого анализа современного состояния литературы. Не было размышлений о том, по каким путям должна развиваться литература в эпоху рынка.

Не было на съезде анализа важнейших проблем — возможностей издания “некоммерческой книги” в условиях рыночной экономики. А как донести “некоммерческую книгу” до читателя (сейчас это возможно лишь через жизнь “толстого журнала”)? Невнимание к “сущности” литературы определило и делегатский состав съезда. Из 164 делегатов более ста были не знакомы широкому читателю. Но почему на местах выбрали их? Да только потому, что эмиссарам из центра, курирующим проведение выборов на местах, были нужны лишь статисты, которые правильно проголосуют в Москве, и не нужны были самостоятельно мыслящие, имеющие честное имя и литературный вес члены Союза писателей России. Вот почему на съезде невозможно было увидеть в числе делегатов москвича Петра Палиевского, ленинградцев Глеба Горбовского и Марка Любомудрова, иркутян — Анатолия Байбородина, Валентины Сидоренко, Андрея Антипина, красноярца Александра Щербакова, оренбуржца Петра Краснова, Михаила Чванова из Уфы, волгоградцев Василия Макеева, Василия Стружа, Таню Брыксину, воложанку Ольгу Фокину, калужанина Андрея Убогого, Бориса Сиротина из Самары, смолянку Наталью Егорову, Захара Прилепина, новосибирца Владимира Берязева, его же земляка Михаила Щукина, москвичей Александра Сегеня, Игоря Золотусского, Александра Казинцева, Сергея Куняева и многих-многих преданных литературе талантливых людей, на которых зиждется строительство великого русского литературоцентризма. Даже Сергея Шаргунова на первом этапе съезда не было в числе делегатов, и лишь когда обстоятельства выдвинули его на самое главное голосование, то выяснилось, что оба Иванова сделали всё, чтобы Шаргунов не был делегатом. Тогда самоотверженно и честно поступил руководитель писателей Московской области, отдавший при соблюдении всех законных процедур свой делегатский мандат Сергею Шаргунову. Спасибо тебе, Лев Котюков. Зато сколько было на съезде вновь избранных секретарей или переизбранных. Никого не хочу обижать, но совсем не сложно выбрать из 164 делегатов съезда несколько десятков имён, о которых даже нам, профессионалам, трудно будет сказать, какие книги они написали, каков их вклад в современную литературу, есть ли у них хоть какой-то авторитет в мире читателей. Я думаю иногда, что нам пора ввести понятие “кандидат в члены Союза писателей России”, которое когда-то было в Советском Союзе, оберегая “имеющих честь, талант и совесть” литераторов от моря графоманов.

А сколько у нас проблем, завязанных на государство, без которого ни шагу не сделаешь — разруха в библиотечной системе и в книжной торговле, присутствие за государственный счёт одних и тех же лиц из 5-й колонны на международных ярмарках, влияние на наше мировоззрение и фальсификации нашей истории идеологов и практиков процветающей в наших СМИ рософобии. И об этом на съезде ни слова.

Как можно иметь правильное представление о литературных путях, о “литературном воздухе”, если в работе нашего съезда не участвовало ни одного главного редактора толстого журнала... Нечего ссылаться на то, что есть журналы “свои”, есть “не свои”... Что, у нас “Новый мир” или “Знамя” издаются не на русском, что ли?

Литература — это изданные книги. Чьи книги были за отчётный период изданы с помощью Союза писателей России? Дорошенко ведь много лет хвалится, что у него на Комсомольском есть издательство, куда приходят авторы, приносят рукописи и закуску в придачу, что после таких встреч рождаются какие-то сборнички, но в отчётном докладе, опубликованном в “Российском писателе”, я не нашёл ни одного имени писателя, осчастливленного и изданного при помощи Дорошенко. Не было в этом докладе и ни одного названия книги, в конце которой стояла бы гордая надпись: “редактор Н. Дорошенко”.

А мы в Литфондах, якобы до “предела разворованных”, по утверждению А. Боброва, стараниями Переверзина, Куняева и прочих “хищников”, проделали, между прочим, громадную работу, которая должна была быть сделана типографией, когда-то занимавшей своими коробками громадную комнату на первом этаже Комсомольского дворца и ждущей, по словам Лопусова и Дорошенко, своего торжественного открытия, чтобы книги писательские поплыли из неё в читательские руки. Но вскоре типография сама куда-то уплыла, и, убедившись в этом, Литературный фонд взял на себя это важнейшее дело — издание за счёт Литфонда (а не за счёт нищих авторов, как у Дорошенко) книг писателей, потерявших все свои издательства. Только за последние 10–12 лет ганичевско-ивановского правления литфондовское (переверзиновско-куняевское) правление выпустило на свет Божий двухтомник стихотворений поэта Владимира Фирсова, трёхтомник смоленского поэта Виктора Смирнова, двухтомник якутского классика поэта Ивана Гоголева, сборник “Спел тьмы” поэта Льва Котюкова, двухтомник известного Санкт-Петербургского прозаика Михаила Кураева, двухтомник русского поэта Ивана Савельева, однотомник татарского прозаика Рената Мухамадиева, однотомник “Вера и верность” Сергея Лыкошина, однотомник петербургского поэта Бориса Орлова, однотомник архангельской поэтессы Инель Яшиной, однотомник поэта Игоря Тюленева, однотомник горно-алтайского поэта Бронтоя Бедюрова. К 80-летию выдающегося украинского поэта, великого патриота Украины Бориса Олейника Литфондом был издан однотомник его стихотворений в новых переводах в Москве, а также проведён юбилейный вечер с приглашением двадцати самых известных писателей и поэтов Украины. Вечер прошёл в Доме Ростовых, 21 февраля 2014 года и продолжился в Переделкино, где остановилась украинская делегация, принятая Литфондом, а не СП России. Кроме этих книг за счёт Литфонда была издана книга прозы омского писателя Л. Трутнева к его 75-летию, книга поэта Геннадия Касмынина, книга прозы В. Иванова-Таганского, книга прозы русского поэта, жившего в Узбекистане, И. Красильникова “Звезда Востока”.

Помимо отдельных авторских изданий Литфонд издал две антологии — одну “Казачий крест”, и другую “Антология православных стихов”. Четыре раза в год, каждый квартал Литфонд издаёт журнал “Поэзия”. Не забывая Беларусь, мы издали книгу С. Зайцева, а также книгу переводов Н. Переяслова. Именно Литфонд, а не Союз писателей учредил две постоянно действующих литературных премии имени Г. Р. Державина и С. В. Михалкова, и газета наша, в отличие от полусдохшей дорошенковской, выходит регулярно и бесплатно рассылается по всем отделениям Союза писателей России.

Всего не вспомнить. Но в моей библиотеке стоит однотомник кабардино-черкесского поэта Исы Капаева... Кроме этого Литфонд издал русско-грузинскую поэтическую антологию, русско-абхазскую поэтическую антологию под названием “Сухумская крепость”. Все эти книги должны были быть выставлены на съезде как свидетельства нашей общей работы. Но их там не было. Ибо на этом фоне не видно было бы издательской деятельности Дорошенко и обоих Ивановых. Не знаю, как успешно они крепили дружбу народов, но мы крепили её именно таким образом, о чём должно было быть сказано в отчётном докладе правления СП России. Да, в работе съезда участвовала молодёжь, но выросшая, в основном, на страницах “Нашего современника” (А. Тимофеев, Я. Сафронова, Г. Шувалов, С. Бударин, В. Попов). В течение нескольких лет они печатались в журнале, становились лауреатами его литературных премий, выступали на наших вечерах поэзии. А начинались их творческие жизни отнюдь не в каморке с бутылками и рюмками, где хозяйничал Дорошенко, а на

совещании молодых писателей, организованном Литфондом, если мне не изменят память, в 2010 году в Переделькино. Я сам вёл там семинар, в котором участвовали и С. Бударин, и В. Попов, и многие другие молодые литераторы. Почему бы Ивановым не вспомнить об этом в отчётном докладе на нашем съезде? А ведь по итогам того всероссийского совещания молодых писателей мы с Переверзиным издали две книги прозы и три сборника стихотворений молодых писателей, сейчас ставших уже секретарями и членами правления Союза писателей России. Мне не жалко, пусть работают на Комсомольском. Но нам досадно, что никто не вспомнил, что мы их нашли и вырастили.

Вот ещё вспомнилось, что мы издали книгу ветерана Великой Отечественной войны (которого “захлопали” на съезде за его речь о русофобии) Ямиля Муштафина, книгу омского поэта В. Балачана “Выше веры Любовь”, книгу русского поэта-афганца, живущего в Германии, В. Белова “Рассказы”, книгу прозы А. Арцибашева, книгу прозаика Н. Стародымова “Повесть о Чеченской войне”, книгу председателя Союза писателей Болгарии Н. Петева “Имя твоё надежда”, книгу грузинской поэтессы Маквалы Ганашвили “Запоздалая встреча”, книгу украинского поэта В. Спектора “Время предпоследних новостей” (Луганск), книгу саратовского писателя А. Амусина “Этюды эпохи”, книгу прозаиков и поэтов Донбасса “Строки мужества и боли”, книгу поэта В. Силкина “Посох Пересвета”, коллективный сборник “Русскоязычные авторы зарубежья”.

Всего не перечислить. По приблизительным подсчётам, с 2007-го по 2017 год силами и средствами двух наших Литфондов – Российского и Международного – было издано от 100 до 150 книжных и журнальных изданий. Интересно, сколько и за чей счёт издало книжечек издательство при Союзе писателей, возглавляемое Дорошенко. Что-то ни слова о его деятельности (конкретной) я не услышал во время отчётного доклада правления и не прочитал в спецвыпуске газеты “Российский писатель”. Кстати, в этом спецвыпуске я прочитал в статье Н. Дорошенко “Непривычное дело предстоящего съезда”, – такую полуложь-полуправду:

“Когда Куняев был избран председателем Российского Литфонда, я охотнейше согласился стать членом литфондовского президиума. Но увидев, что роль члена президиума сводится лишь к роли статиста при директоре Переверзине, я перестал ходить на заседания президиума”... Лукавые воспоминания. Я хорошо помню: когда Дорошенко пришёл на первое заседание президиума, то первым его заявлением было требование того, чтобы Литфонд выделил на его якобы издательство (на зарплату сотрудникам и на издание книг) 300 тысяч рублей. А именно в это время только что избранное на 7-й конференции руководство Литфонда испытывало денежные трудности, судебные процессы и адвокатские услуги обескровили наш бюджет настолько, что я написал заявление, чтобы мне Литфонд платил лишь 50% положенной по штатному расписанию зарплаты. Такое же решение принял и Переверзин. Почти год, пока финансовое положение не улучшилось, мы так и жили. Естественно, Литфонд отказал в этих условиях выдать Дорошенко 300 тысяч, и с тех пор мы его на наших заседаниях не видели. Так что у нас были основания изгнать его из президиума Литфонда с формулировкой “за утрату доверия”. Но в отличие от Н. Иванова, мы этого не сделали. А когда наш бюджет через несколько месяцев установился, вот тогда мы и начали свою бурную издательскую деятельность, стали помогать нашим писателям и в жилищных, и в медицинских делах. Достаточно только вспомнить, что Литфонд выделил на лечение Леониду Бородину, попавшему в автоаварию и впавшему в кому, 400 тысяч рублей, вспомним ещё и о том, что Игорю Ляпину, первому секретарю Союза писателей России, заболевшему раком, мы выделили на лечение 300 тысяч рублей, Игорю Тюленеву на шунтирование тоже 300 тысяч. Да что говорить! Решением президиума Ивану Ивановичу Переверзину было дано право, не собирая ни президиума, ни бюро, выдавать быструю одноразовую помощь нуждающимся в размере до 15 тысяч рублей. И сколько денежных выплат в виде этой “скорой помощи” было выдано! Её получили и поэт Виктор Смирнов, и поэт из Волгограда Зайцев, и поэтесса Надежда Мирошниченко. Я уж не говорю о ежегодной помощи, выдаваемой Литфондом писателям-ветеранам войны не только России, но и всех бывших союзных республик в праздничные дни 9 Мая.

Мы работали, а Дорошенко в это время в своей комнатёнке, называемой издательством, выпивал и закусывал на средства очередного поэта, жаждавшего издать книжончку в издательстве “Рога и копыта”, временно называемом “Российский писатель”.

По приблизительным подсчётам, за последние 10 лет Литфонд выделил на издание книг писателям (в бóльшей степени из русской провинции, чем из Москвы) не менее десяти миллионов рублей. И это не считая денег, выделенных писателям из краёв и областей России, когда им не хватало средств расплатиться по договорам с местными издательствами. Но мы всегда выручали их, оплачивая долги, возникающие на местах из-за различных обстоятельств.

Сколько себя помню – вот уже десятилетие с лишним газетные шавки из “Лит. России”, из поляковской “Литгазеты”, из “Московского комсомольца”, и даже из “Советской России”, а иногда и с экранов ТВ обвиняли Переверзина в том, что он, ремонтируя и благоустраивая переделкинские дачи, отдаёт их тут же своим дружанам, своим верным опричникам, своим холуям. Чего в таких утверждениях больше – глупости или подлости, – не знаю. Да, действительно, несколько дач решением бюро были выделены писателям, работающим в двух Литфондах и в МСПС. Ю. Коноплянников, В. Фёдоров, В. Середин, они приезжали на работу с утра и возвращались домой вечером. Кстати, Середин, работая с Переверзиным, вот уже год как съехал со своей переделкинской дачи.

Но сколько дач было отдано “вольным сынам эфира” – которые не являлись ни “слугами”, ни “опричниками” Переверзина... Наталья Иванова, заместитель главреда журнала “Знамя” Чупринина. Либералка. Наш идейный враг. По случайности у неё сгорела дача. Не кто-нибудь, но сам Переверзин предложил – надо ей дать другую, освобождающуюся, – и сразу дали. Андрею Дементьеву – выделили дачу блестяще отремонтированную, с иголки. А кто он нам – не слуга, не единомышленник. Известный поэт. На, получи. Захар Прилепин. На съезд недавний его не пригласили, делегатом не выбрали – но трудно ему жить между Нижним Новгородом и Украиной. В Москве хоть какой-то угол надо иметь. Я предложил, Иван поддержал. А кроме этих – скольким другим, которые ни капли коньяка с Иваном не выпили, не обнялись ни разу, а дачи получили – это Александр Сегень, Геннадий Гусев, Юрий Кузнецов, Евгений Шишкин, Бронтой Бедюров (негде было жить), это Валентин Устинов (вечная ему память), это Амарсана Улзытуев, сын великого Дондока, член Союза писателей, это Владимир Силкин, это Виктор Пеленягрэ, это дочка Ахмадуллиной, это вдова Вознесенского и т. д. Хватит брехать, ребята!..

II. ВОЛНА ЕДИНОДУШИЯ

Несколько комментариев к статье А. Боброва “На волне единопдушия”, опубликованной на сайте “Российский писатель” 16.02.2018 г.

“Россия держится на Иванах, а вот Союз писателей России держался в последние месяцы на Ивановых: Геннадии – первом секретаре правления и особенно – Николае, исполнявшем обязанности председателя правления. Без копейки государственной помощи они в условиях сохранённого для писателей здания на Комсомольском проспекте вели на колёнке подготовку 15-го съезда Союза писателей <...>. Съезд удался”.

Но почему Союз писателей **“держался в последние месяцы”**? Как мне помнится, оба Ивановых вошли в руководство Союза писателей на калужском съезде, осенью 2013 года. Так что у двух Ивановых, чтобы подготовиться к 15-му съезду, было аж четыре с половиной года, чтобы отстоять все три этажа нашего особняка (отстояли, вернее получили от государства лишь один). Было время и позаботиться о бюджете из государственных средств, что с успехом делают руководители других творческих союзов – киношники и актёры. А то недавно один из Ивановых (Геннадий) в день вручения Большой литературной премии (средства для неё нашёл журнал “Наш современник”) горестно заявил: **“А мы ведь на Комсомольском забыли, когда получали зарплату”**, – об этом же с наивной простотой, что хуже воровства, поведал нам в своём письме съезду Николай Дорошенко: **“Когда нам запретили сдавать в аренду какие-либо свои помещения и вынуждены были мы работать без зарплаты, все, кто у нас в правлении искал лишь “счастья и чинов”, сами куда-то испарились, остались люди, относящиеся друг к другу с высочайшей степенью доверия, а к своей работе – с высочайшей степенью ответственности и уважения. И все мы теперь ходим на работу,**

как на праздник. И те писатели, которые к нам в последнее время сами пришли и теперь, засучив рукава, трудятся в аппарате правления (появились у нас даже две девушки в качестве волонтеров!) – все оказались для нас людьми родными”. А я помню, как ещё недавно при Ганичеве и при ещё здравствовавшем Лыкошине в аппарате Союза писателей было более тридцати сотрудников, и все вплоть до уборщицы получали зарплату, как получают сегодня в Литфонде. Но в этом дорошенковском плаче есть большая доля лукавства, ибо вплоть до последнего времени государство выделяло Союзу писателей около 20 миллионов рублей в год на писательские гранты. Естественно, что немалая часть этих денег шла на поддержку высшего руководства и аппарата, о чём в съездовском отчётном докладе не было сказано ни слова.

Всё это было уже в новое время – около двадцати лет тому назад вскоре после того, когда команда Ганичева на съезде в 1994 году пришла к власти. А что теперь? Делегаты едут на съезд на свои деньги, зарплата не платится никому из сотрудников аппарата, коммунальные платежи помогает выплачивать Литфонд под руководством ненавистного ивановым “поэта-хозяйственника” Переверзина, а остатки некогда многолюдного аппарата (скорее всего это охранник и уборщица), по словам Дорошенко, “ходят на работу как на праздник”. Словом, всё, как в романе Эрнста Хемингуэя: “Праздник, который всегда с тобой”. И ещё из творчества Дорошенко: “появились у нас даже две девушки в качестве волонтеров!” И два Ивановых “на коленке” в компании с двумя волонтерками готовят проведение юбилейного 15-го съезда. Потому-то он и получился таким провальным.

Ты, Саша, неосторожно и легкомысленно пишешь: “Некоторые ветхозаветные старцы сначала в лице старшего друга Станислава Куняева затеяли опосредованный приход к власти поэта-хозяйственника Ивана Переверзина” – и после этого добавляешь: “Как я понял на совещании на привычной с советских времён Старой площади, этой кандидатуры испугались и в Администрации президента”. А чего было её, “этой кандидатуры”, бояться, Саша? Она была уже известна всем чиновникам Старой площади, курировавшим культуру около десяти лет... И все эти чиновники – и со Старой площади, и в Министерстве культуры – прекрасно знали, что Переверзин в 2013 году на калужском съезде писателей присутствовал не как чужак, авантюрист и неизвестно кто, а как наш товарищ, выбранный калужским съездом одним из четырёх заместителей Ганичева, по воле последнего, безо всяких дискуссий, сопротивления зала и возражений. Вместе с ним были выбраны ещё трое заместителей Ганичева – актёр Михаил Ножкин, писатель Владимир Крупин и зять Валерия Ганичева Сергей Котьяло. Не стыдно ли тебе, Саша, делать вид, что ты не знаешь таких простых вещей? Кстати, и Игорю Янину, знающему, как семейство Ганичевых (он сам, дочь Марина, друг семьи Перевезенцев и нынешний зять Ганичева и его заместитель Сергей Котьяло) более двадцати лет “властвует” в Союзе писателей, озвучивать на весь наш пятнадцатый съезд “сенсационную новость” о “кумовстве” и о родственных отношениях Владимира Толстого и Сергея Шаргунова?

А между прочим, Саша, ты, наверное, согласишься, что я лучше всех вас знаю состояние литературной жизни “от Москвы до самых до окраин”, потому что у меня за плечами 60 лет пребывания в Союзе писателей и 30 лет работы в журнале “Наш современник”, где при мне печатались лучшие произведения сотен прозаиков, поэтов, критиков, литературоведов России. И я не зря подумал: а что если нам создать руководящую триоци – меня, лучше всех знающего, “кто есть кто” в сегодняшней литературе, Ивана Переверзина – не только талантливого организатора (когда о нём говорят со злобой “поэт-хозяйственник” – я жалею, что это не обо мне, которому не хватает хозяйственной жилки), но и талантливого писателя (те, кто его хает, забыли, что его как прозаика заметил Распутин, а как поэта всегда печатал Юрий Кузнецов), а третьим пригласить полного сил, самолюбивого и справедливого в своих оценках Сергея Шаргунова. Именно этот вариант мог стать подлинной победой нашего съезда. А тот выбор, который вы сделали сейчас с помощью небывалой агитации с твоей стороны, Саша, не говорю уж об интернете, о Дорошенко и Огрызко, снова закрепит ивановско-дорошенковско-волонтерский стиль бюрократической жизни, видимости работы и продолжающегося застоя в нашей литературе. Ещё один комментарий, Саша. Последний.

Ты пишешь: **“Я в отличие от всех перечисленных (“ветхозаветных старцев” — Ст. К.) не получал от Союза писателей (от власти!) ни квартиру в центре Москвы, чтобы её сдавать, ни дачи в Переделкино, ни государственной премии”**.

Я тоже не получал от власти квартиру в центре Москвы, я её построил на собственные деньги в писательском кооперативе в районе метро “Аэропорт”. Как въехали мы в неё с женой 60 лет тому назад, так и живём в этих двух комнатах. У меня даже и рабочего кабинета нету, пишу, так же как Геннадий и Николай Ивановы, “на коленке”. Но всё получается не хуже, чем у них. Издал за последние четверть века книг пятьдесят, если считать все переиздания. Конечно, удобнее было бы всё это на даче в Переделкино писать, но я получил её лишь на 83-м году жизни, после двадцатилетнего ожидания в очереди. И после шести лет (с 2007-го по 2013-й) работы на посту председателя президиума Международного Литературного фонда. Так что, Саша, внешние бытовые условия наши не очень отличаются друг от друга. Правда, есть у меня три премии: Государственная РСФСР имени А. М. Горького (советская), Патриаршая премия и премия Союзного государства за перевод на русский белорусского эпоса “Песня о зубре”. Но это случилось, наверное, лишь потому, что я пил всё-таки меньше тебя и, главное, никогда не опохмелялся.

III. АКСАКАЛЫ И “КОМСОМОЛЬЦЫ”

Вот мы и собрались, несколько “калужских” сопредседателей Ганичева — за неделю до съезда и неожиданно узнали, что у двоих из нас — Ивана Переверзина и Станислава Куняева — нет депутатских мандатов, что в результате “работы на коленке” деятелей с Комсомольского проспекта (далее буду называть их “комсомольцами”): секретаря президиума Союза писателей России Геннадия Иванова и его прямого начальника Николая Иванова, исполняющего обязанности Валерия Николаевича Ганичева, — двое из сопредседателей лишены возможности быть полноправными делегатами съезда... Гостями, пожалуй, но без права голоса и права быть избранными... В этот день ещё было не ясно, кто будет баллотироваться на должность председателя Союза... А может быть, ещё и сам Ганичев найдёт в себе силы выдвинуть в пятый раз себя на первую роль. Я чувствовал, что мне соглашаться не с руки, что со своими глазами и со своей усталостью от работы в журнале — пропаду... Но одновременно вспоминал, как мы защищали этот дом от евтушенковских наёмников в 1991 году, как я разорвал их документ на право закрытия нашего дома префектом Музыкантским. И тут в моём сознании с помощью Алика Лиханова возникла фамилия “Шаргунов”. Но дело было не только в Шаргунове, а в том, что я был уязвлён обманом ганичевских опричников Ивановых. Тоже мне офицеры! Честь имею! Имеешь честь — так не бойся дать слово ветеранам, не интригуй, тасуя депутатские мандаты словно колоду карт: кому дать, кому не дать! Кстати, как ты думаешь, Саша, легко ли мне было осознать, что, имея некоторые серьёзные заслуги — три высших литературных премии, несколько десятков книг, не лежащих на магазинных полках, а переиздающихся и востребованных, тридцатилетнее руководство журналом, который затмил славу “Нового мира”, и “Знамени”, и “Октября”, об остальных и говорить-то нечего, — за неделю до съезда вдруг узнать, что делегатом не выбрали не только меня — но и ни одного из членов Союза писателей, работающих в “Нашем современнике” — ни Сашу Казинцева, ни Сашу Сегеня, ни Сергея Куняева, ни Евгения Шишкина... Словом, два Ивановых, на которых, как ты пишешь, “Союз писателей России держался в последние месяцы”, сделали всё, чтобы на съезде не присутствовал никто из “Нашего современника”.

— Станислав Юрьевич, — вытаращив свои искренние и бессовестные глаза, — заверещал Геннадий Иванов. — Вас всегда выбирала калужская писательская организация, я сам договорился с Вадимом Терёхиным, что Вы идёте от Калуги. Звонил ему раза четыре.

Тогда я сам звоню в родную Калугу, как-никак, если меня на родине за писателя не считают, то всё-таки, может быть, вспомнят, что я почётный гражданин Калужской области. Слышу в ответ звонкий, уверенный в себе голос руководителя калужской писательской организации Вадима Терёхина:

— Станислав Юрьевич! Никакой Гена Иванов мне в Калугу не звонил ни разу, ничего о Вас не говорил, поэтому от Калуги мы выбрали двух делегатов — меня и Серёжу Михеенкова из Тарусы — то же самое подтверждают мои писатели-земляки Андрей Убогий, Юрий Убогий, Вячеслав Бучарский, Рудольф Панфёров...

А тут ещё кто-то из друзей приволок огрызковскую газетку, из которой я понял, что Огрызко всё знает лучше меня: **“Инициатором этой борьбы (за председательский пост) является опытнейший интриган Станислав Куныев. Пару недель назад он не обнаружил себя любимого в списке делегатов. Раньше его на писательские съезды избирала калужская писательская организация. А в этот раз калужане, видимо, решили, что есть более достойные люди, способные отстаивать на съезде интересы не двух-трёх престарелых литературных генералов, а всего писательского сообщества. По сути, они отказали главному редактору журнала “Наш современник” в своём доверии”**.

Ну, лопухнулись с Калугой, а врать-то зачем?

Ганичев на калужском съезде был умнее обоих Ивановых, или даже всех троих, если считать Котьяло, выходца из этого же клана, когда в ответ на мою жёсткую, но справедливую критику работы руководства Союза он, тем не менее, предложил мне чуть ли не сквозь зубы должность сопредседателя в системе руководства.

Уже будучи на съезде благодаря Бояринову, который выделил мне из своей “московской квоты” удостоверение делегата, я свёл Геннадия Иванова с Вадимом Терёхиным: одного взял за полу пиджака левой рукой, другого правой и спросил спокойным голосом: “Ну кто из вас врёт? Сознавайтесь!” Оба “комсомольца” испуганно глядели друг на друга и молчали... Эх, вы, а ещё по-этами называется! — я плюнул им под ноги, растёр плевки и пошёл выступать к микрофону, где меня тут же “захлопали” несколько крепких мужиков, сидевших в зале в разных местах, и несколько научившихся говорить “честь имею!” визгливых баб. “Клакеры и клакерши! — понял я. — Нанятые хлопать в ладони за сотню-другую”. А оба Иванова ещё притворяются, что денег нет! Но ещё яростней “наймиты” стали хлопать, когда съезду было объявлено, что с большим перевесом в голосовании Николай Иванов победил Сергея Шаргунова. Клакеры так не жалели своих ладоней, что я почти поверил: да, они знают Николая Фёдоровича Иванова, они конечно же читали его повести, опубликованные в последние 20 лет только в моём журнале.

Но на съезде до меня дошло, что для большинства делегатов рядом с прозой Иванова повести Проханова “Идущие в ночи” и “Чеченский блюз”, повесть Альберта Лиханова “Непрощённая”, рассказы Распутина “Изба” и “В ту же землю”, повесть Андрея Убогого “Рукопись”, повесть Михаила Тарковского “Фарт” и многое другое не существуют, что “шедеврами” на нашем съезде будут считаться в интернетных излияниях только сочинения Н. Ф. Иванова.

III. СЕРДЦЕ КРАСАВИЦ...

Сколько благоуханной нежности вылилось на мою седую голову в дни моего 85-летия особенно из женских уст. Светлана Сырнева из Вятки, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара, Людмила Владимирова из Одессы.

Да и мужики не отставали, заваливая меня гроздьями менее изящных, но не менее искренних похвал. Вячеслав Лютый из Воронежа, Владимир Подлuzский из Сыктывкара, Михаил Попов из Архангельска.

А я и знать не знал, что через две-три недели, когда все мои почитатели узнают о том, что я, возможно, выставлю свою кандидатуру на нашем 15-м съезде для избрания на должность председателя правления Союза писателей России, то в умах и сердцах моих почитателей и особенно почитательниц произойдёт полный психологический, мировоззренческий, а может быть, даже и шизофренический переворот, в результате которого столько дурно пахнущего словесного мусора слетит с тех же женских языков, которые как по команде начнут проклинать меня и восхвалять бывшего военного журналиста и офицера налоговой полиции Николая Фёдоровича Иванова, автора нескольких повестей и рассказов, напечатанных за последние 15 лет не где-нибудь, а в журнале “Наш современник” (хоть бы за одно это меня похвалили!).

Ах эти женщины! Поистине, сердце красавиц склонно к измене. А одна из них стала защищать имя Николая Иванова (хотя я совершенно не собираюсь нападать на него или в чём-то упрекать) с такой страстью, как будто он не Николай Иванов всем известный, а по меньшей мере Никола-угодник, Николай Мирликийский, чудотворец, и поэтому именно к покаянию воззвали меня все сегодняшние Магдалины, ещё вчера чуть ли не омывавшие мне усталые ноги от палестинской пыли. Сколько наивных глупостей я начитался в интернете о том, как скверно я вёл себя на съезде и вообще, как непристойно я порой пишу о своих коллегах.

Некая Марина Маслова, христианка и православная, отпуская всяческие комплименты Н. Иванову, с гневом обличает книгу моих интервью и бесед, носящую название “Стас уполномочен заявить”: “Творческая сила писателя, — пишет она, — истрачивается здесь на сочинительство дурных “эпитетов” и “кличек”: “красноярский классик” (о В. П. Астафьеве), “блеск и нищета литературоведки” (Маслова даже не может правильно процитировать название моей статьи о Татьяне Глушковой, которая называется “Блеск и нищета кожиноведки”), “обкомовский прихвостень” (об одном поэте). Это не защита добра, — патетически восклицает литературная дама, — это мерзость перед Богом. Ибо никогда не признавал нас Бог мстить и унижать ближнего”. Слава Богу, что хоть признала наличие в моих писаниях “творческой силы”.

Насчёт того, к чему призывал нас Бог, спорить не буду, а вот насчёт того, что наша православная писательница смеет судить, на что автор истрачивает творческую силу, я скажу следующее:

“Красноярский классик” подписал позорное письмо “42-х” либералов, подтолкнувшее Ельцина на расстрел российского парламента.

Впоследствии Ельцин приехал к Астафьеву в Овсянку и выделил ему за поддержку кровопролития в дни 3–4 октября 1993 года несколько миллионов рублей на издание 12-томного собрания сочинений. Получил Астафьев свои 30 сребреников ещё и за то, что в числе других советских интеллигентов подписал “Римское обращение” к советским гражданам, благословляющее распад Советского Союза.

А Глушкова заслужила слова “блеск и нищета кожиноведки” (читать надо внимательнее!) за то, что пыталась приклеить мне, Вадиму Кожину и академику Игорю Шафаревичу ярлык “адвокаты измены”... И не из убеждений она попыталась обьявить нас, троих патриотов России, предателями своей Родины, а чисто из женского истерического состояния, в которое она иногда впадала.

А слова “обкомовский прихвостень” по отношению к Виктору Астафьеву принадлежат поэту Николаю Рубцову, о чём вспоминает вдова Николая Рубцова Людмила Дербина в книге своих воспоминаний, которая у меня есть. Так что я советовал бы православной христианке Марине Масловой не слушать болтовню окружающих её мужчин-писателей, а побольше читать честных и объективных книг по новейшей истории России с её олигархами, писателями, поэтами и читателями. А что есть “благо перед Богом”, что “мерзость” — то знает лишь один Господь, но не Вы, мадам.

Начну с самых талантливых имён, которые заслуженно заработали свою славу, постоянно печатаясь в журнале “Наш современник”, который всегда гордился их публикациями.

Уважаемый, бесценный Станислав Юрьевич!

Примите сердечные поздравления с юбилейным днём рождения!

Богато одарённый человек, Вы занимаете блистательные высоты в поэзии, публицистике, литературной критике. Для миллионов соотечественников Ваше Слово стало подлинным откровением, немеркнувшей путеводной звездой в пути к возрождению России.

Вы — бесспорный лидер и властитель дум в деле укрепления национального самосознания русских людей. Неукротимый общественный темперамент, яркий литературный талант, редкий дар убеждения и человеческое обаяние делают Вас природождённым победителем, которому не страшны любые преграды.

Великолепный организатор, опытный руководитель, на протяжении почти тридцати лет Вы возглавляете журнал “Наш современник”. Благодаря Вашим высоким деловым качествам и мудрой, взвешенной политике сегодня это самый читаемый литературный журнал в Российской Федерации.

Искренне и от всей души желаю Вам новых побед и свершений, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

К моему поздравлению присоединяются все писатели Вятской земли.

С уважением и любовью Светлана Сырнева

Ноябрь 2017 г. г. Киров

Но вскоре во время приближения к съезду Сырнева выложила на сайт "Российский писатель" ещё несколько писем, фактически уничтоживших её послание к моему юбилею.

Светлана Сырнева:

В отечественной политике уже не осталось честных выборов: как правило, это борьба денежных мешков. А у нас – русский офицер против денежного мешка! Это впечатляет, это красиво. Союз писателей России – последний бастион свободы.

Светлана Сырнева:

Горжусь нашим Союзом писателей России, основа которого люди с твёрдыми убеждениями, талантливые, умные, с чувством собственного достоинства! Делегаты съезда проявили верность лучшим традициям русской литературы, выбрав независимый путь развития. Этот путь – нелёгкий, но все вместе мы справимся. Наша победа многим обязана отличной информационной работе Союза. Замечательная статья Николая Дорошенко сыграла в этом огромную роль.

Для пояснения того, что хотела сказать Света Сырнева, обратившись к "замечательной статье" Дорошенко, мы публикуем отрывки из этой "замечательной" статьи, которой зачитывались все впечатлительные делегатки нашего съезда. В которой лгун Дорошенко цитирует клеветника Огрызко:

"Литературная Россия" сообщает вот о чём: "Как говорят, задача поставлена такая: якобы Куняев сразу должен воцариться в президиуме съезда, захватить в свои руки микрофон и на правах старейшины открыть и провести съезд, навязав всем делегатам свою волю. Цель – во что бы то ни стало заполучить пост председателя Союза писателей России и тут же провести на должность первого заместителя Ивана Перверзина".

Я здесь выгляжу почти как "чистый украинец Мишико", вырывающий из рук Порошенко-Иванова то ли микрофон, то ли автомат, а "Литроссия", как честнейшая в истории человечества книга – "Евангелие".

Но на этом вятская Светлана не успокоилась. Страсть выражать свои чувства в письмах – обычное лёгкое нервное заболевание женщин.

В далёкой молодости, помнится, я почему-то написал стихотворение: "Изжил себя эпистолярный жанр", я вспомнил его, когда увидел в Сети четвёртое или пятое послание от Светланы, то ли съезду, то ли одновременно в какой-то степени мне:

Светлана Сырнева

"Дорогие друзья, о чём мы говорим! Я ничего не имею против того, чтобы заслуженные писатели Москвы получали от Литфонда дачи и квартиры. Получили – и слава Богу. Но один из лучших поэтов второй половины XX века Виктор Лапшин умер в нищете у себя в Галиче. Друг и единомышленник Кожина, Юрия Кузнецова, постоянный автор "Нашего современника". Думаю, что он был и другом Станислава Юрьевича Куняева. Умер в нищете, потому что он – не москвич. И слишком гордый был, чтобы просить что-то.

Один из лучших поэтов Вятки Валерий Фокин несколько лет назад в результате несчастного случая стал инвалидом и с трудом передвигается. Живёт на одну пенсию и на то, что его жена летом вырастит в огороде. Тоже автор "Нашего современника". Как вы уже догадались, от Литфонда он не дождался ничего. И по Вятской земле этот список можно продолжать, и в любом регионе найдутся десятки, сотни примеров, когда на пороге писателя стоит не просто бедность, а нищета. И помощи искать негде. Я считаю, что Литфонд, мягко говоря, скомпрометировал себя, сконцентрировав своё внимание на нуждах писателей Москвы. Слишком это явно, слишком очевидно. Не уверена, что у них

есть даже спичечный состав членов Литфонда. Зачем, если все нужные люди на виду?!”

Я не знаю, обязан ли в подобных случаях заботиться о своих членах Союза писателей России, отделение которого, конечно, в г. Кирове есть, да и лишние деньги в Вятской области водятся, если вспомнить о деятельности губернатора Белых и предпринимателя Навального, но думаю, что в этом письме есть скрытый упрёк не только москвичам, не только чиновникам из Литфонда или Союза писателей, но и “Нашему современнику”, а значит, и мне лично. А “Наш современник” я считаю структурой не менее, а скорее более нужной, нежели Литфонды и даже Союз писателей.

Да, Светлана, Вы во многом правы. Но не во всём. Виктор Лапшин действительно был другом Юрия Кузнецова и через него и моим, и мы с Юрием Поликарповичем как могли помогали ему. Как можно чаще, нежели других, печатали, наша бухгалтерия всегда выписывала ему, насколько это было возможно, повышенные гонорары. Он был дважды лауреатом премии журнала и ценил все эти заботы, о чём свидетельствуют дарственные надписи на его книгах, присланных мне:

“Станиславу Юрьевичу Куняеву от русского сердца

В. Лапшин. 22./XI.89”

“Станиславу Юрьевичу Куняеву на добрую память во славу России

В. Лапшин. Сентябрь 86 г.”

“Станиславу Юрьевичу на добрую память с всегдашней благодарностью. Желаю здоровья на долгие годы.

В. Лапшин Осень 2005 г.”

“Станиславу Юрьевичу – с великой верой в его дела. Дружески

В. Лапшин осень 20.II.90”

Перебирая книги с дарственными надписями, я нашёл совершенно случайно и Ваш, Светлана, сборник, изданный в Москве в 2008 году. “Избранные стихи”. И ниже Ваши слова:

“Дорогому и навек любимому Станиславу Юрьевичу Куняеву – с благодарностью С. Сырнева”. Бог ты мой, я был у неё любимый “навек”!

Хотел было разыскать и другие сборники с сердечными признаниями, но подумал, что хватит с меня и этого, что Вам сейчас читать их будет неловко, словом, пожалел Вас и прекратил сегодня уже никому не нужные поиски. Однако черти не дремлют, и один из них попутал: попалась мне на полуслепые глаза книжица Вашей подруги, и я не сдержался, перевернул обложку: **“Моему любимому учителю, дорогому человеку, талантливому поэту с вечной благодарностью** (слова “вечный”, “навек” – любимые у женщин! – **Ст. К.) и непреходящей верностью.**

Надя. 30.11.86 г. г. Москва”

Ну ты понимаешь, что это Мирошниченко, которая приехала на съезд с твоим делегатским мандатом и, наверное, использовала, голосуя за Иванова, двумя голосами.

Однако если с “вечностью” всё у нас в порядке, то с “верностью” дело обстоит хуже. Но я помню, Светлана, что когда мы однажды узнали от Кузнецова, что у Виктора Лапшина накопились непосильные долги за неуплату коммуналки, то, не обращаясь ни в какие Литфонды, связались с его женой (по-моему, её звали Алена) и послали ей деньги на покрытие этого долга. А когда он умер и местные власти решили отобрать у семьи Лапшина – у вдовы и сына-инвалида, лишнюю, как им это показалось, комнату, я написал два письма – одно в Галич председателю горисполкома, а другое областному начальству. Вскоре вдова Виктора позвонила мне с благодарностью и сообщила, что местные власти оставляют их жить на прежней жилплощади. . .

Кроме этого, Иван Переверзин по просьбе Юрия Кузнецова не раз посылал Лапшину из Литфонда денежную помощь, о чём Вы, Светлана, не знали, но это не оправдывает Вас.

Горько писать об этом, но такова была в те годы наша жизнь, и редакция журнала делала всё, что могла, для своих любимых авторов. Но помню, что в последние годы жизни Лапшину помогал его друг Скуляков, владелец автомастерской и поэт-любитель, стихи которого я печатал лишь потому, что он у себя в Галиче материально помогал Виктору.

А в журнале не хватало и не хватает денег на гонорары писателям. Платим только самым нуждающимся. Подписка падает, а гонорары ведь платятся

только из подписных денег. В других “толстых” журналах, по моим сведениям, гонораров не платят вообще. “Октябрь” издаётся на квартире у главного редактора. За аренду платить не могут. Так что ждите скорое окончание журнальной жизни. Где будете печатать свои шедевры – не знаю.

А о беде, случившейся с Валерием Фокиным, я знаю и без Вас. Он тоже один из моих высоко ценимых вятских поэтов, и мы, как могли, помогали ему в последнее время публикациями и скромными гонорарами. Видимо, помня это, он прислал мне к юбилею такое письмо:

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

С первых Ваших поэтических строк, прочитанных мной ещё в молодости и оставшихся во мне как своё родное:

*Никогда не желал отличать
правду жизни от правды искусства,
потому и привык отвечать
словом на́ слово, чувством на чувство... —*

и с первых моих поэтических строк, напечатанных в Вашем журнале при Вашей доброй поддержке, чувство благодарности за то, что Вы делаете не только для меня, а для многих и многих собратьев по литературе, да и для самой русской литературы, росло и крепло. Не могу не выразить его в день Вашего 85-летия:

*Звучат светло, возвышенно и чисто
соратников слова,
слова друзей:
Россия отмечает юбилей
редактора,
поэта,
публициста.*

Написано и сделано немало.

*И в этот славный юбилейный час
нам трудно Вас представить без журнала,
но всё-таки трудней — журнал без Вас.*

*А в радости и нотка есть печали:
когда СВОЁ и НАШЕ пополам,
Вы столько своего не досказали,
чтоб дать возможность высказаться нам.*

*И вечный бой,
всегда передовая —
Ваш крестный путь бессменного бойца.*

*Пусть Вас всегда хранит
страна родная,
где нет простору ни конца, ни края,
нет творчеству ни края, ни конца.*

**Валерий Фокин
г. Вятка”**

Конечно, моя главная общественная судьба – это журнал, принадлежащий, по существу, всем писателям России. Именно писателям, а не тем, кто сидит на Комсомольском, 13. Слишком невыносимое оскорбление нанесла мне эта мелкая знать в истории со съездом, видимо желая поссорить журнал с писателями, оторвать его от писательского содружества. Но ничего, как-нибудь переживём.

Дай Бог Вам, Светлана, здоровья и сил смирять свою гордыню. Мы с Вами, оказывается более одной и той же болезнью. Однако я выполняю Вашу просьбу о необходимости поддержать Валерия Фокина и ввожу его за все литературные заслуги в общественный совет (то есть в редколлегию журнала). К сожалению, я могу это сделать лишь, удалив Вашу фамилию из общего списка, поскольку места для двух вятичей в списке совета не хватает.

Но пора перейти к моей не менее трогательной переписке с Надей Мирошниченко, которая писала мне письма полные чувств, выдерживающие конкуренцию с Вашими письмами, Светлана.

От всего сердца

В моей жизни журнал “Наш современник” и лично его главный редактор Станислав Юрьевич Куняев сыграли решающую роль. До приезда Станислава Куняева в нашу республику в августе 1979 года в группе московских писателей (а он был секретарём правления Московской писательской организации) я имела слабое представление и о нём, и о самом журнале. Единственно, что я знала, что ему принадлежат прогремевшие тогда по всей России стихи “Добро должно быть с кулаками”. И так как я работала в республиканской газете и должна была освещать приезд писательской группы, я прочла несколько его книжек, готовясь к интервью с руководителем этой группы. Прочла мужское, жёсткое, но восторженное мнение о нём знаменитого литературного критика В. В. Кожина.

И вот встреча состоялась. Она превзошла все мои заочные представления об этом человеке. Весёлый интеллеktуал, никогда не расстающийся с какой-нибудь обязательно серьёзной книжкой, блестящий оппонент, неподкупный редактор, человек, глубоко погружённый в современную проблематику. Патриот до мозга костей... Я впервые столкнулась с личностью такого масштаба. Тогда он ещё не был редактором “Нашего современника”. В результате знакомства я показала ему рукопись своей второй книги стихов, которая долгое время валялась в издательстве. И он написал короткую, но яркую рецензию, смысл которой заключался в рекомендации: эту книжку надо печатать. Но так счастливо состоявшееся знакомство обрывалось неожиданным известием: “Над Станиславом Куняевым сгустились тучи”. Он написал аналитическое письмо в ЦК КПСС о плачевном состоянии в стране в деле издания русской литературы. В результате пошёл разговор и об его исключении из партии, и из секретарей правления. В письме анализировалось унижающее положение русских авторов, говорилось о сионистском лобби в издательских и литературных кругах и, вообще, о национальной политике государства в области русской литературы. Всё это происходило ещё в глубоко советские времена, когда мы даже не подозревали, что ждёт нас через какие-то пять-семь лет. Он прислал мне это историческое письмо со словами: “Надо мной нависла бетонная плита КГБ, но хочу, чтоб порядочные люди знали правду...”

Дело закончилось тем, что я попросила Станислава Юрьевича стать редактором моей второй книги, несмотря на его предупреждение: “Если раньше тебе моё имя могло бы помочь, сейчас оно тебя утопит...” Я предположила “утопиться”. И с гордостью могу сказать сегодня: Станислав Юрьевич Куняев является редактором моей второй книжки стихов. Это он дал мне рекомендацию на вступление в СП России.

Но Бог милостив и справедлив. Уже через год что-то начало происходить в жизни государства. Поэт и Гражданин Станислав Куняев неожиданно для всех, и в первую очередь для него самого, стал главным редактором журнала “Наш современник”. Кем и остаётся до сегодняшнего дня.

Так я стала активным читателем журнала, открыла для себя бездну проблем русского народа, подружилась постепенно со всем цветом русской литературы, стала не оголтелым борцом за Русскую идею, а человеком, документально представляющим вневременную жизнь Русского национального поля. Завершение этого представления закончилось после знакомства с председателем Союза писателей России В. Н. Ганичевым, открывшим мне глаза на понятие Русская Вера. И сейчас, в дни юбилея моего любимого “Нашего современника”, я низко кланяюсь всем поколениям работников журнала, продолжившим идеи “Нашего современника” XIX века”, как поэт, ни человеческая, ни литературная судьба которого без знакомства с ними просто бы не состоялась. И продолжаю считать Станислава Юрьевича Куняева своим Другом и Учителем.

г. Сыктывкар
Декабрь 2016 г.

Ноябрь 2017 г.

Дорогой Стас! Всё, что есть в моей литературной судьбе главного, это произошло благодаря тебе. Дорогой Учитель и Друг, спасибо за твой, избранный однажды, Русский путь, полный ухабов и звёзд, льда и солнца! За любовь к Русскому Слову и Русской поэзии и культуре, за библиотеку нашей семьи, в которой бережно хранятся подаренные тобой твои умные и талантливые книги! За то, неведомое провинциальной женщине, сакральное знание, открывшее мне тайну Родины, за твоё постоянное чтение всего лучшего, что только подарила нам русская философия и русская литература. За твоих бесчисленных учеников и читателей! За “Наш современник”, продолживший классическую традицию XIX века! И несть конца моей благодарности. Счастья тебе и всей вашей замечательной семье вместе с Галиной и Серёжей! Живи долго и так же непримиримо! Бог в помощь!

г. Сыктывкар
Надежда Мирошниченко

Но, как говорится, “недолго музыка играла”. Шумно, страстно, но недолго.

7.02.18

Станиславу Куняеву

Дорогой Друг и Учитель, не пачкай ты своего имени!

Николаю Дорошенко

Дорогой Николай, спасибо тебе, как всегда, за открытую позицию и талантливую объективность!

Николаю Иванову

Дорогой Николай, заодно мы выясним и отношение Президента ко всему нашему талантливому писательскому содружеству! Вся провинция – за тебя! Про столицу – не знаю. Бог в помощь нам всем!

Надежда Мирошниченко

О Господи! Не просто отказалась от меня, но изменила. И если бы с одним, с Колей Дорошенко, но ей был нужен и другой Николай – с погонами. Всё почти, как у Грибедова в “Горе от ума”:

“Кричали женщины “ура!” – и в воздух чепчики бросали”.

И не только это успела, бестия, но и к самому президенту обратилась почти напрямую, в разгар выборов. Одно лишь смущает: сочтёт ли он “писательское содружество” талантливым? – А вдруг нет. . .

А вот третья моя муза Людмила Владимировна из Одессы нанесла мне, может быть, самый тяжкий удар. Но не сразу. Сначала я получил восторженное юбилейное письмо.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Сердечно поздравляю Вас с 85-летием, с юбилеем! Искренне желаю здоровья, сил и мужества, так необходимых в наше время! Благополучия и душевного спокойствия, веры, надежды, любви! Внимания, поддержки, тепла и Добра.

Помнится из Ваших стихов: Добро первоначально как земля // и пишется Добро с заглавной буквы.

А сегодня я вспоминаю начало 60-х, день, когда студенты лечебно-го факультета Одесского медицинского института имени Н. И. Пирогова собрались чтобы почтить память поэта Сергея Чекмарёва. Секретарь комсомольского бюро Людмила Владимировна жаждет поделиться своим открытием поэта-комсомольца, прожившего всего 23 года. Звучат выдержки из дневников поэта и стихи, стихи, стихи! “Мне борьба поможет быть поэтом, // Мне стихи помогут быть борцом”. Улыбаемся, вспоминаем свои мытарства с поступлением в институт, услышав: “Я верю, я охотно верю // В людскую светлую судьбу. // Нет места в человеке зверю, // как нету мест в МВТУ”. И вдруг, казалось бы, диссонанс: “Добро должно быть с кулаками, // Добро суровым быть должно, // Чтобы летела шерсть клоками // Со всех, кто лезет на добро”. И разгорелся диспут!.. – Итог? Ничья! Вернее – победа! Добра, Поэзии.

Вспоминая и довольно настойчивые предложения коллег по кафедре в конце 80-х: убрать из-под стекла на моём письменном столе библиографическую карточку со стихами, автор-де антисемит и пр., и пр. На карточке: “Сила за вами, // а правда за мной. // Правда – словами, // А сила – стеной. // Сила несметна, // А правда бессмертна. // Вечен их спор – // И весь разговор”. А я улыбаюсь: “Может, и другие карточки убрать?” На других – слова Н. И. Пирогова: “Я люблю Россию, люблю честь Родины, а не чины; это врождённое, его из сердца не вырвешь и не переделаешь... Я знаю, что всё это можно назвать одной непрактической фантазией, что так более прилично рассуждать в молодости, но я не виноват, что душа ещё не состарилась”.

Отправленная на пенсию, основавшая Литературную гостиную при Одесском доме учёных и 20 лет бесплатно ежемесячно готовившая и проводившая программы, посвящённые отечественным поэтам, писателям, философам, не захотела отказаться от эпиграфа к своим “стишатам”.

Чем ближе ночь, тем Родина дороже

Ст. Куняев

*Нет, не конец, пока Она жива,
И рвёт из немощей пудовых тело,
И просит не наград, а дела, дела,
И слова, не слинявшего в слова.*

Конечно, сегодня я не могу не вспомнить о Ваших, дорогой Станислав Юрьевич, воспоминаниях, об исторических литературоведческих, публицистических работах. Мне, не сомневающейся в немалой роли польки Каролины Собаньской в судьбе А. С. Пушкина, очень близки страницы книги “Шляхта и мы” и Вашей уникальной книги “Поэзия. Судьба. Россия”. Они буквально “зачитанны” мною. Не могла оставить равнодушной одесситку и книга “Жрецы и жертвы Холокоста. Кровавые язвы мировой истории”... Радуюсь книге “Сквозь слёзы на глазах” и дарственной надписи на ней: “На добрую память Людмиле Борисовне книгу всей жизни. Ст. Куняев 23.06. 2002 г.”

Радуюсь, конечно, и книге, написанной совместно с сыном, Сергеем Станиславовичем, посвящённой Сергею Есенину. Оказалось: вовсе не случайно недели две тому назад мы с моим сыном вновь обратились к ней, перечитали, обсуждали, читали стихи Есенина... Не могу не поблагодарить Вас, Станислав Юрьевич, и за мои две публикации на страницах “Нашего современника”.

Ещё раз: Надежды, Веры, Любви, Добра Вам, Станислав Юрьевич! Неустанного Служения единственному, единому Отечеству! Многая лета! С уважением, благодарностью, теплом – Людмила Владимировна (Одесса). 26-27 ноября 2017 года.

P.S. Мне так захотелось сказать Вам: в далёкой, провинциальной Одессе жила-была Ваша скромная соратница. Простите!

Растрогался я, прочитав столь редкое письмо, о которых Александр Блок писал, что такие письма “помогают жить”. Но радость моя была недолгой. Через месяц, когда пошли споры о съезде, по интернет-сетям на моё имя пришло другое письмо, каких никакой Блок никогда не получал:

“Господи, Боже Ты мой, как СТЫДНО! Как ОБИДНО – ТАК НЕОТВРАТИМО, теперь, увы, навсегда! – разочаровываться в людях!.. Как БЕЗМЕРНО ЖАЛЬ человека, в 85 своих лет НЕ ПОЖАЛЕВШЕГО СЕБЯ, не пожелавшего не только исповедать и искупить свои грехи (а кто из нас – безгрешен?), но брать на душу новые, неискупимо чреватые!!”

Станислав Юрьевич, остановитесь! Остановитесь! Не смейте руки поднимать на несомненно более важное, ценное, чем любые выгоды для себя лично! Ведь придет ЧАС, ничем не оправдаетесь!..”

Но свято место пусто не бывает, и на месте Станислава Юрьевича появился Николай Фёдорович!

“Уважаемый, дорогой Николай Фёдорович! Да пребудет с Вами Ваше природное, неотторжимое: “ЧЕСТЬ ИМЕЮ!” Да дарует Вам Господь силы, спокойствие, выдержку и на часы съезда и на трудную, но необходимую России работу ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ!

И – всем нам – навеки завещанную веру: “ИСТИНА СИЛЬНЕЕ ЦАРЯ”!
(А. С. Пушкин, 26 января 1837)”.

И Пушкина цитирует, зная, что это мой любимый поэт, чтобы уязвить меня в самое сердце! Вот ведь какая красноречивая одесситка!

Читаю и не понимаю ничего: почему моя попытка возглавить Союз писателей, чтобы освободить его от почти двадцатилетнего семейственного, кумовского режима, при котором он (Союз) впал в полную нищету и разорение, почему эта моя попытка была приравнена физически незнакомой мне, но душевно близкой после первого письма Людмилой Владимировой к смертному греху, который “ни исповедать”, “ни искупить” никаким покаянием невозможно. И о каких “неискупимо чреватых моих грехах” скорбит её душа, отравившаяся статьями Дорошенко, Огрызко и Боброва?

Третий акт этой трагедии (что свидетельствует о серьёзных чувствах) или мелодрамы был озвучен Людмилой Владимировой, как положено, в суперпоэтическом, почти цветаевском бормотанье в день открытия съезда.

— *Говорят, пострел
наш везде поспел?*
— *Может... но пострел,
а не человек.*

Каюсь, что “пострел” – это я, потому что в следующей строфе появляется светлая сила, не поддающаяся никаким “пострелам”. Скорее всего, эта светлая сила имеет облик Николая Фёдоровича:

*Съезд явил: Честь имею!
Не продаюсь, одолею,
Не по зубам “господам”!
С земным поклоном — вам.*

Л. Владимирова (Одесса)
15 февраля 2018 г.

Обратите внимание, гурманы: “съезд явил” произносится как “съязвил”, ну чем не цветаевское косноязычие, пронзившее моё дряхлое сердце! Ведь мы знаем, как расправляются с человеком, не имеющим ни погон, ни законного делегатского удостоверения на съезд, где правит “Воланд” Дорошенко и “Маргарита” Мирошниченко.

Некоторые письма женщин ко мне были с именами, но без фамилий. Я объяснял это избытком чувств, во время которых письмо изливалось на бумагу.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Ваш юбилей – это праздник всей русской литературы, ибо без Вас – главного редактора лучшего русского литературного журнала – русская литература уже многие десятилетия немыслима. Большой русский поэт, тонкий критик, блестящий публицист и мыслитель, главный редактор с редким вкусом, умеющий выстоять в самых тяжёлых условиях, патриот, поднимающийся на защиту России в самых трудных ситуациях, – всё это вместе складывается в огромное явление не только русской литературы, но и русской жизни, и имя этому явлению – Станислав Куняев.

Поэт огромной силы и энергетика, Вы умеете быть заострённо публицистичным, прямым и дерзким, и в то же время Ваши стихи мгновенно пленяют тонкой прозрачностью, щемящей лиричностью, затаённой печалью непокорных смыслов. Многие Ваши стихи возникали как мгновенная реакция на происходящие события, неожиданно становились пророческими, а зачастую и трагически пророческими, и обретали долгую жизнь в литературе – с такой афористической точностью и бесстрашной правдивостью в них отражалось время:

*Всё равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт...*

Эти строки, как и многие другие Ваши стихи, останутся в русской поэзии навсегда.

Многие современные поэты и прозаики могут сказать о себе: “Без Станислава Юрьевича Куняева и журнала “Наш современник” меня в русской литературе не было бы”. То же самое могу сказать о себе и я. Спасибо за всё, что Вы делаете для России и русской литературы.

Божьей Вам помощи!

И, конечно же, – здоровья и долголетия, радости и вдохновения, новых книг и стихов!

**Надежда
(фамилии нет)**

Если это Надежда Мирошниченко, забывшая о своём предыдущем письме, где она путается, кому пишет – то ли Дорошенко, то ли мне, то ей не следует больше присылать стихи в “Наш современник”, где она уже слишком много напечатала их за последние четверть века, и всяческих хвалебных рецензий о себе начиталась, и несколько журнальных премий получила. Теперь ей надо печататься на сайте у Дорошенко. Там и читателей больше, и к нынешнему начальству Союза ближе.

Если же это какая-то другая “Надежда”, не подписавшаяся своей фамилией, то шансы на публикацию в журнале у неё гораздо больше, чем у Надежды сыктывкарской, поскольку эта Надежда бесфамильная никогда не возносила до небес творчество главного редактора журнала. А он уже устал от всего этого.

Менять оценки, взгляды, чувства, убеждения на протяжении всего-то полутора месяцев – некрасиво, а главное, неумно. Я, как давний друг и учитель Надежды сыктывкарской, такого непостоянства не понимаю, если даже подобные перемены идут “от всего сердца”. Пора в таком возрасте сердечко и пожалеть.

А вот это послание всерьёз огорчило меня. Огорчило настолько, что мне пришлось брянской Тамаре, землячке Николая Иванова, ответить серьёзно, без шуток.

Тамара Поснова. Брянск

Мне больно читать статью Н. И. Дорошенко. Очень больно. Умные люди, а сколько грязи оказалось... Станислав Юрьевич, мы-то считали Вас человеком, которому до боли в сердце важны ПИСАТЕЛИ, их труд, служение Родине... Мы ведь верили в искренность Ваших добрых мыслей. Вы ведь из таких, кому хотелось верить.

На мой взгляд, разум, светлость, высота помыслов должны остаться от съезда, за ходом которого будет следить миллионы людей.

Я испытываю большую неловкость. Дело не моё? Может быть. Но мои внуки будут читать книги. Какие? Мне это не всё равно. ПИСАТЕЛИ – это же словно стяг над Родиной. Простите меня за сказанное.

Много раз приходилось видеть в работе Н. Ф. Иванова, вокруг которого всегда собираются писатели, любители литературы... Это поистине лидер. Что он офицер – прекрасно! Следовательно, есть та ЧЕСТЬ, о которой многие подзабыли, та ответственность, которая осталась во вчерашнем дне.

Мой ответ Тамаре Посновой:

“Дорогая Тамара! Не преувеличивайте. “Миллионы людей следить” за съездом не будут. Я не понимаю, почему Вам причинила боль лживая статья Дорошенко. Ни наш съезд, ни сочинения Дорошенко не имеют отношения к тому, что я был в дружеских отношениях с Вашим мужем, замечательным поэтом Николаем Посновым, ценил его стихи и печатал их, а после его трагической гибели часто бывал у Вас, бывал на его могиле и делал всё, чтобы память о нём жила в журнале “Наш современник”. Какое отношение имеют к этим личным нашим с Вами чувствам и переживаниям наш съезд и грязная

по отношению ко мне статья Дорошенко? Вам бы, знающей меня, позвонить да и сказать, что нет, Станислав Юрьевич, не верю я тому, что Вы с Переверзиным “растащили Литфонд” – вот это было бы правильно... Какие вы все, особенно женщины, легковверные, как легко принимаете за правду всякую сплетню: огрызочную, бобровскую, дорошенковскую.

Ваш Ст. Куняев”.

IV. “НАМ ТОЛЬКО В БИТВАХ ВЫПАДАЕТ ЖРЕБИЙ”

А теперь я обращаюсь к письмам, полученным к юбилею, до съезда и во время съезда и после съезда, но не от женщин, а от мужчин – поэтов, прозаиков, секретарей писательских региональных союзов, известных критиков и совершенно неизвестных читателей, которые часто и фамилиями не подписываются, а всего лишь кличками, именами или псевдонимами. Среди этих отзывов попадаются и умные, и глупые, и хамские, и простодушные. Но в целом они составляют любопытную картину, нарисованную вот таким словесно-чувственным способом. Это словно “музыкальные картины с выставки” – сочинённые то ли Мусоргским, то ли Римским-Корсаковым.

Начну с поздравления воронежского критика и публициста Вячеслава Лютого.

“Дорогой Станислав Юрьевич! Каждая Ваша историко-публицистическая книга оставляет в сознании читателя запоминающийся на долгое время след. Ваши рассуждения о польском вопросе, Холокосте, воспоминания о литературных именах формируют целостное и психологически достоверное представление о русском мире в самые тяжелые времена его истории. Дискуссия о классике в 1970-х благодаря Вам стала чрезвычайно значимой вехой в опознании русского ума и таланта в шумливом советском литературном потоке.

Спасибо Вам за Ваши труды, вдохновенные и мужественные стихи. Здоровья, творческих сил, стойкости характера!

С юбилеем!

Ноябрь 17 г. Вячеслав Лютый”.

А спустя месяц с лишним этот небездарный критик решил выдать мне другую характеристику, к моему счастью, оказавшуюся неверной:

“Мне очень жаль, что Станислав Юрьевич Куняев, быть может, сам не желая того, оказывается своего рода троянским конем. Полагаю, что во главе нашего Союза должен стоять человек чести и воли, а не самодостаточный управленец от литературы. Потому что управленец сможет самому себе объяснить практически любое предпринимаемое им решение. А у русского офицера есть еще внутренний дух-совесть, и здесь такие потаенные объяснения подчиняются ответственности совершенно иного порядка.

Я отдаю свой голос Николаю Федоровичу Иванову.

И верю, что решение съезда совпадет с моим решением.

Вячеслав Лютый. 07.02.2018 г.”

Ну не тащил же я за язык Лютого, ни тогда, когда он оценил меня за книгу о холокосте или о Польше, ни тогда, когда сравнивал с троянским конём, который привёз в своём деревянном брюхе, в осаждённую подобно Трое крепость на Комсомольском обросшего шерстью Переверзина, готового срубить Ганичеву, как царю Трои Приаму, голову и овладеть богатствами этого сказочного города, несмотря на сопротивление Гектора-Дорошенко. Но вся беда в том, что Лютый – критик хоть с устрашающей фамилией, но человек молодой и он забыл, что в Калуге (где критики почему-то особенно неумеренно пили) сам Ганичев на калужском съезде предложил съезду утвердить 4-х заместителей – М. Ножкина, В. Крупина, своего зятя С. Котькало и Ивана Переверзина.

Так что, если следовать Гомеру, то Ганичев сам сыграл роль троянского коня и сам притащил в своём деревянном брюхе в свой обречённый город, напичканный роднёй, – опасного ахейянина из северной Греции, ныне именуемой Якутией. Вот так-то, товарищ Лютый, не приписывайте этот сказочный подвиг

проникновения Ивана Ивановича в троянский город мне. Я здесь ни при чём. Знаменитые троянцы Ивановы сами прохлопали ушами возвышение Переверзина.

Но есть в нашем Союзе писателей и мужчины, как бы это сказать помягче – с двуполом характером. Сначала они мне пишут приветствия с женской непосредственностью, но потом в их словах и речах, как по команде, прорежутся мужские ноты. Знакомлюсь на одном из сайтов с письмом постоянно автора журнала “Наш современник” Владимиром Подлuzским, радуюсь, что он поздравляет меня с юбилеем:

“Дорогой Станислав Юрьевич!

Счастлив быть причастным к могучему племени русских писателей, являющихся авторами “Нашего современника”. На памятнике Минину и Пожарскому, ставшем своеобразной эмблемой журнала, незримо начертаны имена Валентина Распутина и Василия Белова, Вадима Кожинова и Юрия Кузнецова, и, конечно же, Станислава Куняева, кормчего “НС”. Здоровья и счастья Вам, Станислав Юрьевич! Вечного света Русскому Маяку под названием “Наш современник”!

**Владимир Подлuzский
Ноябрь 2017 г. г. Сыктывкар”.**

Но спустя два месяца тот же Подлuzский, словно бы оправдывая свою фамилию, забывает о своём недавнем письме, восхищаясь статьёй Дорошенко, напичканной большой и малой неправдой обо мне и Литфонде, и буквально загаживает интернет-пространство благоухающими фекалиями:

“С неослабевающим вниманием слежу за дискуссией вокруг статьи Николая Дорошенко. Уважаемая Сэда Вермишева уже сравнила Союз писателей России с Мамаевым курганом и битвой за Сталинград”.

Ну где начинается “битва за Сталинград”, там нужен полководец:

“Как бывший корреспондент Суземской районной газеты, горжусь, что работал в начале восьмидесятых на родине уже тогда почитаемого так земляка-Николая Иванова”.

Гордится даже не тем, что лично знает Иванова, а тем, что ходил по земле, по которой ходил сам Николай Фёдорович. Как в песне “Я готов целовать песок, по которому ты ходила”. Выбор сделан, и Подлuzский, идя по следам Мирошниченко, благословляет будущего начальника ещё раз из Сыктывкара:

“На декабрьском писательском собрании в Сыктывкаре я напутствовал будущих делегатов съезда следующими словами: “Езжайте и без Николая Иванова во главе Союза не возвращайтесь”.

Высказывание Сэды Вермишевой о том, что наш съезд похож на битву на Мамаевом кургане и под Сталинградом – это клинический случай сдвига по фазе, но такого рода сдвиги заразительны, ибо Подлuzский начинает подозревать Литфонд в том, что эта организация посягает на его творческую свободу и гражданскую независимость, и даже ставит всем нам в пример поведение Джорджа Сороса:

“Сколько бы мне ни предлагали вступить в Литфонд, убеждая, что я могу даже съездить в Переделкино, наотрез отказывался. Отвечал, что я лучше миную эту околописательскую платформу и покачу дальше писать стихи на родную Брянщину. Теперь я понимаю, что меня останавливало – щедрые и явно лукавые посулы литчиновников. Наверное, кто-то что-то имел от Литфонда и новых его адептов. Уважаемая Светлана Сырнева даже утверждает, что некоторые Кировские писатели получали суммы к своим юбилеям. В 2013 году у меня тоже был юбилей, но ни о каких деньгах никто и не заикнулся. Может потому, что у меня не было членского билета Литфонда. А может потому, что я о писательских благах никогда не грезил. В меру сил писал и печатался. В том и вижу призвание.

Конечно, я слышал о скандалах вокруг Переверзина и Переделкина, но они к самой литературе как бы и не относились. А вот сейчас напрямую относятся. Даже прожжённый американец Сорос, говорят, одумался и покаялся перед Россией. А думают ли о покаянии наши маленькие соросы?”

Ну что тут скажешь? Писатель, не вступивший в Литературный фонд, конечно же, согласно Уставу, не может пользоваться возможностями этой организации. А может быть, Подлuzский не является и членом нашего Союза

писателей? Но тогда ему незачем участвовать и в работе съезда, если он везде видит “лукавые посулы литчиновников”.

Гимн величию, гению, гражданственности, воинственности, патриотизму, чести, шедевральности, человечности пропел Владимир Подлузский, заглянув целый почти античный хор женщин, друзей и почитателей Иванова:

“Оппоненты даже не представляют, как на Брянщине до сих пор ценят художественное слово, и каким светочем там является Николай Фёдорович Иванов. Только бездарные идиоты не видят в его новеллах признаков шедевральности. В духовном смысле это новый Пересвет, который сразит любого Челубея (это не о Шаргунове ли? – Ст. К.). Да из того же Брянска в случае чего придёт ополчение и вилами вынесет с Комсомольского, 13 любую чёрную силу”.

Ну прямо-таки Владимир Подлузский говорит об Иванове, как Сергей Есенин говорил об отце и матери, о родне, которая, если надо, защитит поэта от всяческой нечисти: “они бы вилами пришли вас заколоть за каждый крик ваш, брошенный в меня!”

И вообще Подлузский уже написал столько о своём земляке, что пора бы ему издать книжку о великом сыне земли Брянской, о прямом потомке легендарного Баяна. А свои стихи можно уже не писать, поскольку печатал их в своё время в общих подборках поэтов Коми лишь один журнал – “Наш современник”. Другие почему-то отвергали, поскольку у них не было Надежды Мирошниченко – неудержимой Марфы Посадницы земли Коми.

Но Подлузский не сдаётся. Прочитал я его рассуждения о том, что наша литература может быть и русской, и русскоязычной. Он считает русской литературой прозу Дорошенко. Но я помню, как Дорошенко лет двадцать тому назад принёс в журнал “Наш современник” повестушку о жизни художников. В отделе прозы её прочитали, но никто не назвал её ни “русской”, ни “русскоязычной”, а назвали просто такой никчёмной, такой бесталанной, что вернули автору. Может быть, с тех пор он и воюет с “Нашим современником” и с его главным редактором? Но сейчас ведь не обязательно печататься в “толстых” журналах, можно целые романы выкладывать на сайт, можно в “Российском писателе” печатать с продолжением хоть на год, хоть на полгода любое сочинение даже о художниках. Даже за деньги.

Владимир мыслящий

“Прошлый съезд писателей, проходивший в Калуге, финансировали Литературный фонд России и Международный литературный фонд, а не Союз писателей России. Эти фонды возглавляли Иван Переверзин и Станислав Куняев.

В отношении “продажи” литфондовской собственности или наживании денег на её аренде нужно оперировать документами и фактами, а не рассуждениями, высосанными из пальца, как это делала и продолжает делать “Литературная газета”, принадлежащая частному лицу, а когда-то она была газетой Союза писателей. У нас сегодня нет своего издания, если не считать “Общеписательскую литературную газету”.

Неплохо бы напомнить и главному редактору “Литературной газеты” и ещё некоторым “генералам”, куда и каким образом “исчезло” огромное здание на Цветном бульваре, принадлежавшее Союзу писателей России, где и находилась редакция “Литературной газеты” и редакция “Литературной России”.

Этот вопрос я ДВАЖДЫ в письменном виде задавал следователю по особо важным делам Следственного Комитета господину Рыжкову, но ответа не получил. По ЗАКОНУ он обязан дать ответ, но не дал.

Для Следственного Комитета и прочих, “приближенных к трону”, закона не существует.

Поэтому, думаю, в оценках наших старших коллег надо отбросить эмоции и постараться объективно посмотреть на ситуацию как в Москве, так и в регионе”.

Ст. К. Слава Богу, наконец-то хоть один из вас здраво и спокойно оценил обстановку и положение, в котором очутилось руководство СП России после своей победы.

Юрий

“И что я опять думаю, какими мыслями терзаюсь: вот тебе, видно, больше других надо? Кто за язык тебя тянет? Уж кой раз битый был, а всё неймётся,

опять свою голову под гильотину съешь... Вон другие, помудрее тебя, воды в рот набрали и выжидают. Но где наша не пропадала! Бог не выдаст, свинья не съест...

То идут соблазны от "Литературной газеты", то у "Литфонда" в одном месте зачесалось... Не соблазняйся, русский человек, либеральными зазывалками. Нет в их раю тебе места, не уготовлено, лишь разве на потеху — на разменную монету, а потом надобность видят в тебе — кожу снять да пустить на ремни.

Может, и Станислав Юрьевич Куняев за мои строчки глазом зацепится. Станислав Юрьевич, вы всё время шли в ногу с русским народом! Так нынче это только слова? Зачем же палки в колёса совать? У нас по большому счёту в России таких здоровых полков, как Союз писателей России, раз-два и обчёлся. На самом переднем фланге Союз, на самых передовых позициях и то и дело в рукопашном бою с недругом сходитесь. А потеряем этот авангард, сможем ли удержать "Наш современник" и "Литературная газета", находящиеся в глубоком тылу, хотя бы те позиции, которые занимают? Большой вопрос...

И может, для кого не видно, но теперь делегатам писательского съезда честь великая выпала — Русь отстоять! Не проморгайте, добро — добром, честь — честью, но кулаки сжатыми держите. Тут не бравада нужна, не надувание щёк, не шапкозакидательство. Нужно хорошо затылок поскрестить... плотины строить, тылы укреплять. Если хорошо оглядеться, то альтернативы Николаю Федоровичу Иванову нет.

У меня единственная просьба, вы смотрите повнимательнее кругом: кто рядом? кто дивиденды ищет, а кто правду? кто скажет за совесть, а кто за звёздочки на погонах? Крикуны-прохиндеи и безбашенные агитаторы, нос по ветру, во все времена глотку драли, да всё ради своего кармана и карьерной ступеньки. Мы же всё привечали подхалимов и гнали совестливых. Били всё больше свои своих же, пусть ершистых и непонятливых, но ревнителей и заступников Руси.

Крепите наш писательский Союз! Так, чтобы дружина была на все времена, а не вшивая интеллигенция, чтобы вставал всегда плечом к плечу писательский люд, по первому зову, и в кручину, и в беду..."

Ст. К. Друг мой! Кому я палки в колёса сую — клеветникам Дорошенко и Огрызко? Много им чести "палки в колёса", они — это вредные насекомые, разносящие везде бактерии хамства и клеветы. Рядом с ними оба Ивановых, пытавшихся не допустить меня на "мой съезд", это апостолы чести и правды.

Поверьте, я в свои 85 лет научился различать, говоря Вашими словами, "кто скажет за совесть, а кто за звёздочки на погонах". А Николая Иванова никто нигде не изгоняет, он при больном Ганичеве уже несколько лет руководит Союзом, а успешно ли — Вам судить, если возьмёте на себя такую ответственность. И не считайте наш Союз "здоровым полком", в нём люди разные, мелких карьеристов в нём слишком много, гораздо больше, нежели безоговорочно талантливых и мужественных писателей. Я ведь помню, сколько "патриотов" отвернулось от меня после знаменитой дискуссии "Классика и мы". Да и не только от меня, а также от Кожина, от Юрия Селезнёва, от Петра Палиевского. А сколько раз почтенный Валерий Ганичев отказывался подписывать письма, которые мы, литфондовцы, рассылали в Администрацию президента, в прокуратуру, в Следственный комитет, пытаюсь защитить остатки писательской собственности от хищных лап государства в лице Росимущества. Нет, он сочувствовал нам и понимал нас, но серьёзные письма на имя "серьёзных государственных персон" подписать? Нет, это дело рискованное, пусть лучше подпишет мой заместитель, Володя Середин... А Вы требуете от писателей, чтобы это была "дружина на все времена".

Геннадий Иванов

"Дорогие друзья! Прежде всего я подтверждаю, что Николай Фёдорович Иванов принял решение, если съезд поддержит, возглавить Союз писателей России. Многие и многие делегаты его поддерживают. Но одновременно немало писателей-делегатов, которые не хотели бы прилюдно голосовать против Куняева. И это понятно. Видимо, будет тайное голосование. (Очень жаль, что его не было! — Ст. К.)

Я обращаюсь к делегатам! Дорогие писатели, ситуация такая, что если кто-то из вас проголосует за Куняева из соображений былых заслуг. и таких голосов наберётся немало, то Николай Фёдорович Иванов может недобрать до требуемых двух третей от общего количества голосов. Тогда временно останется председателем В. Н. Ганичев, и надо будет собирать новый съезд. Не будем всё это превращать в дурную бесконечность. Вам придётся опять тратиться. прилетать-приезжать и т. д. Мне кажется, всем нормальным людям понятно, что Куняев уже не может быть председателем Союза. Хватит этих условностей. Так наберитесь мужества, проголосуйте за Николая Иванова, который делом доказал, что он достойный руководитель Союза. Есть энергия, есть желание, есть уважение многих и многих писателей. Есть моё личное честное слово, что это тот человек, который сейчас нужен Союзу. Про Переверзина я вообще не хочу говорить. Писатели-делегаты, отриньте всякое малодушие и проголосуйте за Николая Иванова. Может быть, не будет процветания, но будет достоинство. 08.02.18".

Ст. К. Здравствуй, Геннадий! Ты всё обрисовал правильно и честно. Но ты знаешь, сколько сил, времени и средств ваш секретариат угробил, чтобы объехать все региональные организации?

А мы (нас всего несколько человек) стали заниматься "избирательной кампанией" всего лишь за неделю до голосования. И те 32 голоса, да ещё при открытом голосовании, мы считаем своим большим успехом. А при тайном вы вообще могли проиграть, несмотря на все ваши мухляжи с квотами, с кричалками, с танцами Мирошниченко на подиуме. Я, к примеру, получил большое удовлетворение, глядя на всё это зрелище, и наблюдал всю вашу панику. Сколько лет правит Союзом ганичевский клан? Почти четверть века? Ну вот так всё само собой и развалится, если не поможет заплатить за коммуналку И. Переверзин. Слава Богу, что меня миновала чаша сия. Барахтайтесь в ней сами.

Николай Дорошенко

"Уважаемые коллеги!

Как и Геннадий Иванов, я тоже тревожусь о том, что делегаты съезда из человеколюбивого сострадания к Куняеву, до некоторых пор состоящему лишь из заслуг, но вдруг нашедшему свое счастье у Переверзина в плену, кинут ему на прощание свои утешительные голоса, полагая, что таких жалостливых голосов все равно больше трети не наберется. А вдруг наберется и надо будет проводить в ближайшее время еще один съезд уже сурово и безжалостно?

Это не тот случай, когда Куняев похищен и ждет, что кто-то ему протянет руку. Это тот случай, когда Переверзин Куняева выставил в виде вызывающей у нас сострадание приманки.

А на кону – судьба нашего Союза писателей России.

Да не будь теперь у Куняева такого камня за пазухой, как Переверзин, разве имя его могло бы у нас вызвать хоть каплю тревоги?"

Ст. К. Уважаемый коллега!

Мне твоего сострадания не нужно. Если бы я очень захотел сесть в кабине Ганичева на Комсомольском, я вёл бы себя совсем по-другому. Вы почему-то все забыли, что я снял свою кандидатуру, когда возникла фигура Шаргунова.

А вот сейчас-то мне хватает журнала, который я считаю гораздо более крупным и необходимым для литературы явлением, нежели Союз писателей России, который мы с Прохановым защищали в августе 1991 года. И Вы ошибаетесь, комментируя весьма глупо мои отношения с Переверзиным, с которым мы дружны начиная с 1994 года по настоящее время. Он талантливый поэт, талантливый прозаик и талантливый строитель жизни. Помимо этого, он мой давний друг, а я своих друзей не предаю, в отличие от многих персонажей, о которых пишу в этом сочинении.

Суть моего поведения в феврале заключалась в том, что лукавое руководство СП России сделало всё для того, чтобы ни я, ни Переверзин не были выбраны по указке свыше (на писательском уровне) делегатами съезда. Не знаю точно, как к этому отнёсся Иван Иванович, но мне большего оскорбления было трудно нанести. Надо было для этого очень постараться ивановым

и котыкалам. Что они и сделали. А такие, как Вы, лишь подливали бензина в огонь.

А что и как пойдёт дальше, об этом постарайтесь догадаться сами.

Александр Смышляев

“Давно бы надо было появиться статье Николая Дорошенко. Нам, живущим не в Москве, сложно понять московские дразги, хотя, не скрою, отголоски слышны. Но они-то более всего и путают. Сначала думалось, что россияне на съезде – только статисты, решат все, как обычно, проныры-москвичи, поэтому и нечего морочить себе голову выбором. Многие у нас здесь, на Камчатке, так и рассуждают. Говорил я по телефону и с Александром Керданом, и Владимиром Скифом, и с Юрием Перминовым, и с другими, у них уже была своя, четкая позиция, но во мне раздрай оставался. Главным образом из-за бардака в аппарате Союза: куда ни ткнешься, с каким вопросом ни сунешься – тупик. Прилетишь в такую даль с Камчатки, думаешь решить хоть какие-то вопросы, но всегда – не до тебя. Так и возвращаешься. (Вот так и работал ганичевский аппарат последние годы. – Ст. К.) Одна отрада – с коллегами пообщался. Теперь, узнаю, появился рабочий секретарь Валерий Юрьевич Киселев, наводит в бумагах порядок. (А что – неужели он лучше Г. Иванова?) Слава Богу. А тут и статья Дорошенко подоспела. Все становится на свои места, проясняется. Конечно, какой из Куняева председатель – на поклоны к нему потом ходить, что ли? Или даже не к нему, а к его шефу? Да ни за что гордый камчатец, северянин не пойдет к кому бы то ни было. А к Николаю Иванову, знаю, можно запросто зайти, поговорить, позвонить, узнать и т. д.! Не буду здесь распространяться ни о чьих достоинствах и недостатках, скажу лишь, что мы, камчатцы, наконец-то тоже определились. Благодаря набату Дорошенко. Спасибо”.

Ст. К. Уважаемый “гордый камчатец”! Ну кто Вам наболтал, что ко мне нужно ходить на поклоны? Где Вы этому научились? Может быть, на Комсомольском, 13? Ко мне на Цветной бульвар в журнал “Наш современник” немало приходит людей – и читателей и писателей. И я стараюсь их всех принять, если хватает времени, ведь каждый человек интересен по-своему. Правда, кое-кого из литераторов, если и придут, не приму: например, Дорошенко или Огрызко, потому что больно уж много на своих сайтах и в своих газетёнках лжи и клеветы на меня навешали. А Вас я не знаю, так что приходите – со стихами или с прозой, не знаю, что Вы пишете. Однажды к нам вот так пришёл никому неизвестный Переверзин (не камчатец, но якут) и скоро стал одним из любимых авторов.

Принесёте талантливое произведение – напечатаю. И даже гонорар заплачу. Ведь наш журнал самый популярный и самый многотиражный из толстых литературных журналов. Если сложить тиражи знаменитых толстых журналов “Нового мира” (2100 экз.), “Знамени” (1300 экз.) и “Октября” (1000 экз.), то в сумме получится почти тираж “Нашего современника” – 4500 экз. Традиции Николая Рубцова, Валентина Распутина, Василия Шукшина, Василия Белова, Вадима Кожинова, Георгия Свиридова, Ильи Глазунова, Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова и других знаменитых русских людей живут на страницах журнала. Потому-то его и любят, выписывают и читают.

Отбросьте свою неумную гордыню и приходите в гости.

Юрий Серб

“Результаты работы XV съезда радуют и обнадеживают, они ещё раз подтвердили ту истину, что русских писателей не обмануть, не соблазнить фальсифицированными лакомствами. Лукавая власть, более двух десятилетий пытавшаяся уничтожить Союз писателей России, теперь вознамерилась нам “помогать” в обмен на отказ от верности народным национальным ценностям, правде, идеалам справедливости и в обмен на единение СПР с тусовкой пишущих приспособленцев вокруг администрации президента. Случись такое – как в страшном сне – и русских писателей затоптали бы в хороводе шведских федеральных агентств по устранению отечественной культуры и памяти.

Ради этого и сготовили на политической “элит”-кухне скоропалительное блюдо “Куняев-Переверзин-витюки-Шаргунов”. Потому Надежда Мирошниченко и стала на съезде (благодаря своим таланту и темпераменту) яркой

выразительницей того мнения народного, о котором так весомо сказал в своё время Александр Пушкин”.

Ст. К. Рекомендую незнакомому мне Юрию Сербу прочитать хоть одну мою книгу (о шляхте, о Есенине, о Серебряном веке, воспоминания “Поэзия. Судьба. Россия”), а также нашу переписку в этом номере журнала с Надей Мирошниченко, станцевавшей для делегатов съезда такой зажигательный танец, что уместней выпускать её в какой-нибудь “Мулен Руж” или “Фоли Бержер”, но не на страницы “Нашего современника” и не на подиум съезда писателей России.

Алексей Мещеряков

“Желаю разума и Ивану Переверзеву, и Станиславу Куняеву: одумайтесь, нельзя быть на “территории нравственности” и пользоваться безнравственные методы (так у автора. — **Ст. К.**) для достижения каких-то своих целей”.

Ст. К. Хочу ответить бывшему руководителю Красноярской писательской организации, которая несколько раз сама разваливалась на куски, что наша попытка выбрать председателем СП России талантливого писателя и яркого, современного общественного деятеля Александра Шаргунова была попыткой спасения и развития Союза. Эпоха семейного ганичевского клана, начавшаяся в 1994 году, несмотря на формальную победу семейства, всё равно приходит к концу. В этом суть кризиса, произошедшего 15 февраля в Доме литераторов. На нынешней “территории нравственности” когда-то были и пропали 30 человек администрации, ресторан, типография, бухгалтерия, антикварная мебель, бюджет, регулярно выходившая газета, а теперь остаётся несколько комнаток, в которых будет жить одна чистейшая “нравственность”.

Александр (без фамилии)

“Николай Иванович, здравствуйте. Очень рад был прочитать Вашу статью. Вы как человек вообще мне приятны. Не зря когда-то в “фейсбуке” были друзьями. Но увя... за патриотические выкладки меня там заблокировали навечно... Что же касается информации о перипетиях перед съездом, теперь понятно, в чём дело. По большому счёту, эта возня Переверзина, видимо, втёмную инспирирована Западом, — для ослабления нашей страны ещё и с этой стороны. Удары идут со всех сторон. Украина, Сирия, НАТО, пятая колонна, санкции, “кремлёвский список”, провокации против наших спортсменов... Переверзин со своей тягой к власти и денежными притязаниями (пусть и опосредованно — через Станислава Куняева) — им, противникам России, очень даже выгоден”.

Ст. К. Из вышеприведённого текста видно, что проведение нашего съезда вписывалось в картину мировой политики, и авторы текстов, приходивших к нам по социальным сетям, возводили наши литературные споры на уровень мировых войн, передвижения континентов и прочих серьёзных событий, считая, что опусами Дорошенко, открываниями Огрызки и филиппиками Саши Боброва должны заниматься все ведущие разведки мира.

Григорий Блехман 07.02.18

“Очень хорошо, что так вовремя появилась эта статья, где, как это умеет делать Н. И. Дорошенко, всё расставлено по своим местам и высвечено, кто есть кто и кто какие цели преследует.

А основная цель у всех, кто задумал внести раскол в работу съезда, одна. Уничтожить главное в СПР, который, благодаря своей патриотической направленности, как кость в горле стоит у нынешней антинародной власти. Поэтому и перед съездом, и во время его проведения каждый из нас должен сделать всё от него зависящее, чтобы Председателем стал Николай Фёдорович Иванов.

Потому что это желание подавляющего большинства членов СПР. Во всяком случае тех, кто думает о судьбе страны, на которую в немалой степени оказывает влияние направленность умов творческой интеллигенции. Уверен, что мы найдём механизмы, позволяющие не допустить смуту на съезде”.

Ст. К. Провокаторы из пятой колонны уверяют себя и читателей, что война между Союзом писателей России и кремлёвской антинародной властью неизбежна: военный человек пришёл, подчинённые ждут команды.

Пока мы думаем, что Дорошенко занимается всяческими смехуёчками, бдительный Григорий Блехман давно понял, что Колян готовит к движухе очередную Болотную площадь. Блехман лишь не домыслил – участвует ли в этом заговоре Шаргунов или нет.

Чем ближе приближалась дата выборов – тем радикальнее и значительнее становились электронные письма.

Владимир (письмо к Дорошенко)

“Николай Иванович, благодарен Вам за честную и открытую информацию о подготовке к съезду. “Куняевщина” уже была, и мы знаем, чем она окончилась в былые времена. Заманданщикам не место, не то что быть на съезде, но и в наших рядах писательского Союза. Торгашам место на “свободном рынке” подлости, там пусть разыскивают своих клиентов, а не в Союзе писателей России. С ув. Владимир Пядухов, г. Смоленск”.

Ст. К. Спровоцированный статьёй Николая Дорошенко человек требует покончить с “куняевщиной”. Ну как ему помочь – ума не приложу. Дело в том, что за последние тридцать лет я издал множество книг. Первую и самую главную мы с сыном написали к столетию со дня рождения Сергея Есенина – в 1995 году. За истекшие с тех пор четверть века она переиздавалась в серии ЖЗЛ и других изданиях 15 раз. Кроме того, я написал книгу воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”. Трёхтомник, первое издание которого вышло в 2005 году, с тех пор в разных издательствах книга, ставшая популярной, переиздавалась 10 раз. Потом меня потянуло к истории, и в 2001 году я держал в руках свежее издание книги “Шляхта и мы”. Наши отношения с Польшей таковы, что книга моментально исчезала с прилавков, издательство “Алгоритм” тут же переиздавало её в расширенном варианте, и таких переизданий (под другими названиями) тоже к нынешнему времени вышло в свет более десяти. Затем я заинтересовался историей еврейского народа и написал книгу “Жрецы и жертвы Холокоста” – и тоже разошлась. По-моему, недавно вышло 5-е издание. Вслед за ним у меня вышла книга “Любовь, исполненная зла” – о Серебряном веке. Появилась на полках – и ушла на расхват. С 2011-го по 2016 год вышло аж три расширенных и дополненных издания. Я уж не говорю о книге избранных стихотворений “Сквозь слёзы на глазах”, о книге про моего друга великого русского поэта Юрия Кузнецова “И бездны мрачной на краю”; тут ещё украинские события, а моя судьба и судьба моей жены накрепко связаны с Украиной. Написал в 2014 году книгу “Нет на свете печальней измены”. Уже вышло два издания. Сейчас пишу книгу о шестидесятниках и шестидесятничестве. . . Планов – полно. Лишь бы зрение выдержало. Около пятидесяти книг разных жанров издано мною за последние четверть века. Ну как тут угодить читателю, который хочет избавиться от “куняевщины”?! Ничего из этого не получится, как бы он этого ни хотел и как бы я ни старался угодить ему. Придётся “Владимиру” жить и жить в этой “куняевщине”. Кстати, ничего плохого или вредного в этом не вижу: книги написаны талантливо и занимательно. Читайте – и пишите мне письма, глядишь и Вы чему-нибудь научитесь, ну хотя бы добродушию и вежливости. А то ведь живёте, страдая сами от своего хамства. А у моего сына Сергея вышла книга в серии ЖЗЛ о Николае Клюеве, в “Алгоритме” книга о поэте Павле Васильеве, сейчас он заканчивает книгу для ЖЗЛ о Вадиме Кожинове, издал недавно книги о дискуссии “Классика и мы”, о творчестве Татьяны Глушковой и т. д. Словом, опять сплошная “куняевщина”. Сочувствую Вам.

Михаил Попов (Архангельск)

“Ну, и славно! Наша взяла! Наша – это совесть, честь, достоинство. Николаю Фёдоровичу – виват, многая лета и плодотворных трудов”.

Ст. К. Ну что ещё можно добавить? – “революция достоинства”, как на Украине.

Александр Бобров

“Поздравляю с победой Николая Иванова. С сохранением поста Гены Иванова. Членов правления (и себя) – с поддержкой нас съездом. Будем работать!

Самое гадкое чувство осталось от поведения некоторых коллег. Не хочу называть иных старших товарищей из благодарности к прошлым заслугам”.

Ст. К. Не стесняйся, Саша, тебе теперь после твоей статьи ничего не должно быть страшно: ни врать, ни пережевывать сплетни Огрызки, ни кричать на весь мир, что мы “разворовали Литфонд”. Но ты прав в том, что один из главных результатов съезда – это **“сохранение своего поста”** Генной Ивановым. Поздравляю тебя, Гена, и прощаю за то, что ты лишил меня делегатского мандата. Работай теперь за двоих.

А. Шахматов

“Приятная весть – русские писатели Великой России призвали главой писательского объединения русского писателя, Николая Фёдоровича Иванова! С ним я знаком и хотел, чтобы он стал главнокомандующим среди писательской армии – армии великого русского слова – слова литературного, красивого и правдивого! Поздравляю народ и страну!”

Ст. К. Жаль, что рядовые В. Распутин, В. Белов, Ф. Абрамов, Е. Носов не дожили до нового главнокомандующего русским словом.

Александр Логинов

“Печально все это. Печально. А иногда и страшно становится. Происходящее в нашем Союзе напрямую бьет по авторитету русского писателя. Но точки над “и” на нашем съезде нужно расставлять. Барьер непонимания должен быть преодолен. И в самой острой полемике. Для этого провинция и отправила в Москву своих представителей. А тем литераторам, что из малых и больших городов будут наблюдать за съездом и не имеют возможности напрямую повлиять на итоги его (разве в этих комментариях), скажу так:

*Остается одно: жить, как Бог повелел,
От истока — неспешно — к исходу,
Не метая друг в друга отравленных стрел,
Сохраняя свой дух и породу.*

*И строку поднимать, как в атаку полки,
Отрабатывать лет своих ссуду,
Даже если бессонно ночные стрелки
За тобою следят отовсюду.*

А то мы все говорим о соборности. А соборность – это торжество духа, не замаранное тщеславием и “мамоной”. Пора задуматься о высшем и горнем. О Русская земля и так в раздреа”.

Ст. К. Ишь, чего Вы захотели, Александр: “самой острой полемики”. А большинство хотело другого: пропеть осанну Николаю Фёдоровичу. И пропело. А меня, попробовавшего эту полемику начать, “захлопали” то ли добровольные, то ли проплаченные клакеры, а Иванов (который Геннадий) то и дело прерывал мою речь, чтобы поскорее согнать с трибуны. “Ночные стрелки” знают своё дело и “следят отовсюду”.

Павел

“Дорогие писатели!

А есть ли у вас теперь хоть чуточку сострадания к пламенному коммунисту-догматику Александру Яковлеву, гнобившему вас, национальных писателей, с позиций марксизма-ленинизма, а затем за великие свои заслуги перед советской страной “эту страну” решившему приватизировать в обнимку со всякой шпаной? Не таков ли и ваш Куняев?

У нас – не писателей, а читателей – ваш Союз писателей России остался последним уцелевшим осколком нашей Отчизны. Сохраните этот осколок.

Это ведь то последнее зерно, из которого, если Бог даст, наша родная Россия еще может произрасти не в виде уroda!"

Ст. К. Здравствуйте, Павел! Но поскольку Вы меня не знаете, то прощаю Вам оскорбительный тон. Если Вы честный человек, желающий выяснить, как и кто из писателей боролся с "коммунистом-догматиком" Александром Яковлевым, то прочитайте мою статью "Обслуживающий персонал". (Найдите в интернете.) В ней такая правда о Яковлеве, что у Вас волосы на безмозглой голове дыбом встанут. В своей книге "Омут памяти" упомянутый Вами Яковлев так писал обо мне: **"Через некоторое время Викулову всё-таки пришлось уйти из редакции. Но, к сожалению, нормального, уравновешенного, авторитетного человека туда назначить не удалось. Бондарев специально посетил Горбачёва и настоял на назначении редактором "Нашего современника" Станислава Куняева, человека нетерпимого, превратившего журнал в один из антиперестроечных рупоров"** (Омут памяти. М., Вагриус 2000, стр. 264).

Впрочем, такие невежественные и хамские читатели мне не нужны. Нет уже времени их воспитывать. Так что заводите дружбу с Дорошенко.

Письмо А. Боброву, как дополнение к письму Смышляева.

"Дорогой Саша!

Поскольку в газете "Советская Россия" от 17.02.2018 ты цитируешь слова одного из делегатов съезда: *"Как написал Александр Смышляев с Восточного края России... Конечно, какой Куняев руководитель... А к Николаю можно запросто сходить... Мы, камчатцы, определились"*, то я решил ответить сразу вам обоим – и тебе и "камчатцу".

Кого только я не знал из поэтов и писателей нашей необъятной северо-восточной страны, и кого только не знаю. И Раису Мороз из Хабаровска, и Бориса Лапузина и Виктора Пастухова из Владивостока, и Михаила Вишнякова, увы покойного, и его друга Вячеслава Вьюнова из Читы, и Андрея Румянцева из Улан-Удэ, и почти всех поэтов Иркутска, Александра Щербакова и Олега Пашенко из Красноярска, Володю Берязева, Мишу Щукина, Юрия Ключникова из Новосибирска, и т. д. А вот о Смышляеве, ни единой строчки которого не знаю, высокопарный пафос которого так тебе понравился, скажу вот что. За мою долгую жизнь с кем только из "трудных людей" я ни встречался, с кем только ни дружил – с Николаем Рубцовым, с Василием Беловым, с Анатолием Передревым, с Ярославом Смеляковым, с Борисом Слуцким, с Глебом Горбовским, с Юрием Кузнецовым... Все были люди непростые, со сложными и тяжёлыми характерами. Но я ко всем ходил, и все ко мне ходили.

А тут: *"да ни за что гордый камчатец, северянин не пойдёт к кому бы то ни было!"* Это что, Саша, "национальный комплекс" или с большого бодуна написано? И зачем ты, цитируя его, поощряешь эти чувства? Подумай об этом, пока я напишу письмецо "гордому камчатцу". Я в своё время по молодой глупости послал куда подальше по матушке Ярослава Смелякова – так до сих пор (а полвека прошло!) как вспомню, так стыдно становится.

А твоя статья в Советской России по мыслям, по стилю, по неправде, по жалким ссылкам на жалкого Орризку, по хамским выпадам в адрес Переврина просто не достойна тебя.

Ст. Куняев".

Вадим Дементьев

"Странная, если не больше, логика во всём этом хоральном осуждении-психозе. Уважаемый писатель, наш друг не пришёл ещё на съезд, не выступил, ничего не сказал, а все его клеймят и поносят. Типа: а вдруг да придёт, а если выступит... Давайте его попугаем, налетим всей стаей в подворотне!.. Он ведь вроде сопредседатель СПР (кроме всего прочего, в том числе главного – заслуженных седин, кои здесь у большинства не в счёт, да и в отсутствии таковых). Это "обсуждение" напоминает, да-да, письмо 42-х "Раздавите гадину!" Сумасшедший дом да и только".

Гюрза

"Продолжу. Какой бы ни была эта борьба (а дело не в принципиальности – в политике), подчеркну, что отец и сын Куняевы – это личности в рос-

сийской литературе и гораздо более значительные, чем лица, инициировавшие данную дурно пахнущую заметку.

Неприятная публикация. Доносительская и недостоверная. Главные аргументы (в порядке появления) – “похоже”, “судя по всему”, “как говорят” (интересно, кто говорят? Почему трусливо умалчивать?), “надо полагать”, “якобы”, “впечатление такое, что”, “видимо”... Не очень пристойно иронизировать по поводу возраста Куняева и допускать фразы типа “Куняев с сыночком”. Как бы ни разворачивались события в отношении съезда и каков бы ни был расклад политических всяких сил и группировок и роли главного редактора “Нашего современника”... ”

Внимательный

“Что-то я не понял? Судя по статье, на председателя Союза собрался выдвигать свою кандидатуру Станислав Юрьевич Куняев. А страсти кипят вокруг Ивана Переверзина, который никуда себя не выдвигает. Уважаемые авторы, особенно дамы, вылили уже на Куняева – великого русского писателя, блестящего редактора – столько грязи, что возникает вопрос: как они завтра будут смотреть ему в глаза?”

Шелестов Пётр

“Станислав Куняев – русский деятель в здравом уме! Вопреки навязываемому здесь мнению”.

Нина Корина

“Братцы, вы о чём?”

Да, С. Ю. Куняев – человек, много сделавший для литературы нашей страны. Честь ему и хвала! И низкий поклон.

Недавно у меня был повод вспомнить его добрым словом, искренним, поверьте! А как иначе, если, при “суровом” тогда приёме (очень, кстати, торжественном, в концертном зале ЦДКЖ) в литобъединение “Магистраль”, два тогдашних “мэтра” поаплодировали двум моим вступительным стишкам. Как было сказано, “в порядке исключения”. Это были сидевшие в президиуме Куняев и Окуджава. Меня такое одобрение надолго “открылило” (правда, вскоре “улетела на свободу”). Было мне 19 лет. На днях исполнится 79. То есть прошло с той поры 60 лет.

Аргументы нужны?!”

Владимир Карпов

“Уж и Куняев плох, и Крупин, и Личутин (который не был делегатом и не голосовал), и Скворцов, и Лихоносов, и Проханов?! Хорошо, Распутина уже нет. Ты на ком воспитывался, как писатель? Василий Дворцов, не понимаю, о чём ты? Они состоялись, они национальные герои, они встали в своё и наше, и будущее время. Ну а дальше-то что? Где те, кому сегодня 60–70? Проходили в коротких штанишках. Вот и уже и 40–50 “не те”. Я оптимист – лит-процесс не затихает, не мельчает, новое нарабатывается. А барабаны вокруг или молчание – вторичность”.

Александр Иванов

“Перечитал я все комментарии и подумал вот о чём: если Куняев, уже не имея возможности не понимать, что в связке с Переверзиным все писатели воспринимают его как главного врага писательского Союза, то, на что рассчитывая, он выходил к микрофону?”

Ст. К. На что я рассчитывал? На здравый смысл, которого в большинстве писательских голов, к сожалению, не осталось.

Вячеслав Ананьев

“Господин Бобров готов всех, кто с ним не согласен, вышвырнуть за борт! Вот и меня обозвал балластом в Союзе писателей. Я его обзывать в ответ не буду, а просто скажу, что он заплесневелый графоман и недалёкий человек. Мои произведения в нескольких хрестоматиях по странам СНГ русские люди изучают и благодарят. Так что бобровы мне не страшны!”

Пётр Бойченко

“Вы, писатели, лучше бы спросили у Куняева, есть ли у его Переверзина другие источники доходов, кроме сдачи в аренду вашей общеписательской собственности? И имеет ли он моральное и всякое иное право тратить ваши средства на попытку затмить славу Третьякова, который картины покупал на личные средства”.

Ст. К. Отвечаю Петру Бойченко и всем хулителям Переверзина. Я впервые встретился с ним в городе Ленске в 1994 году, когда у него уже была небольшая картинная галерея. Он любил живопись и всегда стремился помогать талантливым художникам. Их картины Переверзин покупал на доходы от своего частного сельского хозяйства, созданного им на заброшенных в перестройку колхозных землях. На этих землях бывшие колхозники, среди которых было немало родных Переверзина, выращивали капусту, картошку, свёклу, морковь и т. д. Он знал, как надо заниматься земледелием в Сибири. Был одновременно и агрономом, и механизатором, и бухгалтером, и бизнесменом. Его земли в удачные годы приносили ему более тысячи тонн сельхозпродукции, которая оптом закупалась алмазодобывающей компанией “Алросса”. Так что денег ему хватало на всё – на картины, на помощь детдомам, ветеранам войны и больницам. За что потом, по приезду в Москву, его фамилия как мецената была выложена в Аллеях Славы на Поклонной горе и возле Крымского моста.

Главному редактору “Советской России” В. В. Чикину

Уважаемый Валентин Васильевич! Член редколлегии Вашей газеты А. Бобров давно потерял объективность и беспристрастность в освещении литературной жизни страны. За последние недели он вылил потоки грязи и клеветы на Станислава Куняева – главного редактора журнала “Наш современник”, выдающегося русского поэта и публициста. Да, у них разное видение и подход к решению сложнейших проблем и Союза писателей, и судьбы писательского сообщества. Но А. Бобров участвует (и во многом возглавляет) кампанию травли и шельмования Куняева. Не удержался он от этого и в своём отчёте в “Советской России”.

Бобров в каждой публикации настойчиво упоминает возраст С. Ю. Куняева, считает это чуть ли не его виной. Смешно и стыдно.

Просто всё дело в том, что С. Куняев в свои 85 выглядит и пишет лучше, чем Бобров в свои 74.

Вл. Середин

В сетях гуляет информация такая:

Не так всё просто с выборами у писателей.

ГАНИЧЕВ и его семья рулили Союзом и его имуществом с середины 90-х. За это время правопреемник СП СССР лишился всего имущества. Знаменитая поликлиника, огромное количество недвижимости, дачи в Переделкино – за 25 лет у организации не осталось ничего. Даже историческая усадьба “Малеевка” продана и снесена новым владельцем.

Единственным источником существования семьи стали доходы от сдачи в аренду площадей особняка на Комсомольском проспекте и гранты от регионов.

Самого ГАНИЧЕВА из-за возраста и болезней возили на встречи и публичные мероприятия в инвалидной коляске – уход был неизбежен.

Чтобы оставить в своем распоряжении все имеющиеся схемы, семья выбрала своим кандидатом Николая ИВАНОВА – боевого офицера с хорошей репутацией, преданного, но... Не писателя. Журналиста и майора полиции.

Чтобы спасти хотя бы остатки репутации, группа писателей обратилась в Администрацию президента.

Сергей ШАРГУНОВ должен был стать компромиссной фигурой, которая добавит смысла деградировавшей организации.

Владимир ТОЛСТОЙ и Сергей НОВИКОВ с писателями встретились и предложение приняли. Но – с одним условием. Что Шаргунова действительно избирают, а иначе – протянутая рука дружбы превратится в кулак. Кандидат в председатели ИВАНОВ послушал – и согласился.

Но в преддверии съезда – еще подумал и включил заднюю.

Вот только забыл предупредить своих недавних визави.

В итоге ТОЛСТОЙ приехал на съезд и был послан. С пьяным хамством и красивыми эпитетами – по-писательски.

Еще раз повторим. Представитель Президента, в преддверии выборов, был послан. Отличная тактика.

Тех, кто радостно избрал Иванова, вы, скорее всего, не читали. И даже не слышали о них.

Зато ПРОХАНОВ, которого все знают, не имел на съезде права голоса. Как и Захар ПРИЛЕПИН, Марина ЮДЕНИЧ, Владимир ЛИЧУТИН, Виктор ЛИХОНОСОВ, Владимир КОСТРОВ, Петр КРАСНОВ, которых либо пригласили “посмотреть” без права голоса, либо вообще “забыли” пригласить.

На следующий день “новая команда” заполонила эфир тассовкой о том, что АП пыталась поставить в председатели зятя ТОЛСТОГО. На сайте организации – велеречивые истории о несломленной воле и офицерской чести.

Офицерская честь. Кинуть главнокомандующего. О чем вы, писатели?

Какой кулак сожмут ТОЛСТОЙ и НОВИКОВ, и кому первому прилетит – скоро увидим.

Раскова

“Да, Куняев, яркий публицист и мыслитель, – никакой не литфункционер, не организатор литпроцесса. Он органически чужд рынку, а жить российским писателям нужно уже по законам рынка.

Но и предлагаемая замена – ничуть не лучше.

Николай Иванов, вкупе с Дорошенками, окружившими себя ордой графоманов (и предателей, типа Лютого и Сырневой), будет загонять писателей в коммунистическую казарму.

Юрий Поляков – бездарный приспособленец, радеющий только о себе любимом.

Нужно бы нечто третье.

Нужен бы 40–50-летний умный и порядочный человек, имеющий представление и о литературном творчестве, и о законах рынка. И не бедный.

Но такая кандидатура сегодня вообще не предлагается никем.

Потому, что её – нет, судя по всему. (А если это Сергей Шаргунов? – Ст. К.)

Поднятая “Литературной Россией” и “Российским писателем” буря в стакане дерьма скоро уляжется. И ситуация будет усугубляться.

А всё потому, что “союз писателей” – не что иное, как аппендикс советского времени. Его можно вырезать без труда. И организм продолжит жить.

Вы вообще не нужны, понимаете? Можно прекрасно прожить без вас.

Вывод: отдайте здание на Комсомольском проспекте Сергею Собянину и объявите самороспуск. И пишите себе свои стихи, повести, рассказы...

Без “союза писателей”!

Николай

“Мы не нужны вам, вы не нужны нам.

Но я не буду предлагать Собянину выгнать вас на улицу бомжевать.

Ваше ощущение своей правоты преступно, а вы этого даже не понимаете.

А если Союз писателей ненавидят такие, как вы, то – тем более он нужен. Нормальным людям нужен”.

“Литературная Россия” 9 февраля 2018 г.

Махинации с выборами делегатов на Съезд писателей России.

Народ до сих пор не может понять, что же случилось с Куняевым: является ли он делегатом очередного писательского Съезда, или ему везде и всюду отказали в доверии? Ситуацию прояснил поэт **Георгий Зайцев**.

Он рассказал, что пару недель назад руководитель Московской писательской организации **Владимир Бояринов** сообщил ему, что Правление данной организации избрало его (Зайцева) делегатом на очередной съезд писателей России. Узнав об этом, Зайцев стал основательно готовиться к писательскому форуму: обдумывать и формулировать свои предложения по реформированию писательских структур и т. д. Но вдруг несколько дней назад Бояринов перезвонил Зайцеву и ничтоже сумняшеся ему объявил: мол, старик, пойми, тут Куняев оказался без мандата, поэтому мы всё переиграли и теперь делегатом на Съезд утверждён не ты, а Куняев.

Гюрза

“Всё просто, как мир. Старых руководителей хотят убрать, выбрать новых. Не понимаю, почему писатели считают, что с новыми станет лучше. Что начнут писатели достойно жить, пенсии поднимут, улучшат жилищные условия, медицинское обслуживание. Печататься они будут большими тиражами и бесплатно? Общество станет нравственнее и порядочнее, благодаря росту авторитета писателей? Не думаю. Скорее всего всё останется по-прежнему. Новое руководство будет так же, как старое, сдавать площади писательской собственности и принимать за деньги в свой Союз и даже поднимет ставку взноса. Не зря же боролись за власть. Выгонит из переделкинских дач старых жильцов и заселит их своими сторонниками. А писательская масса будет сетовать на то, что в Союз писателей принимают не тех, кто там достоин состоять... А народ будет смотреть на писателей со стороны и считать, что у них на уме только дразги и распри, и будет говорить, дескать, им нечего делать и шли бы они на заводы работать и экономику поднимать...”

незайцев

“Какая собственность принадлежит Союзу писателей России? Если ничего и ничто, то почему Ганичев В. Н. вцепился мёртвой хваткой в СП России? Значит, что-то перепадает всё-таки или что-то есть? Кто знает?”

Берендей

“Это надо у его секретарей спросить, они давно сидят и всё знают”.

Ехидна

“Зато читателям совершенно не интересны писательские дразги. Только чувствуется, что не так слаб этот Куняев, которого хотят выворотить с корнем...”

Скептик

“Сам-то Зайцев чего? Пожаловался недовольный или уступил Куняеву мандат? Кто такой поэт Георгий Зайцев?”

Рецептур

“Вы правы. Такого поэта не существует. Это выдуманный персонаж”.

Провинциал

“Если В. Г. Бояринов вручает звание “Заслуженный писатель Союза писателей России” (сам он является народным писателем), то всё возможно!”

V. “ОСЕТРИНА ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ”

А в этом разделе я поместил комментарии к нашему съезду не совсем самостоятельных персон, которых в советское время в Союз писателей не принимали, но, чтобы они всё-таки ощущали себя хотя бы творческими людьми, для них был создан Союз так называемых литераторов, в сущности, просто пишущих людей, не имеющих ни серьёзных произведений, ни таланта. Это была “осетрина второй свежести”, как бы сказал Михаил Булгаков.

Екатерина Козырева

“Я прочитала все материалы к съезду, но написать “сердечное” самочувствие не позволило. Но всё же удалось послушать выступления В. Н. Ганичева, Н. И. Дорошенко, честные и открытые переживания за будущее нашего СП.

Николай Фёдорович Иванов не говорил о себе, а просто рассказал, как готовились к съезду, о помощи товарищей, о нашей территории нравственности, ни пяди которой он не отдаст никому – и он победил!

Мы победили вместе. Поздравляю и радуюсь!”

Ст. К. Катя! Ты – молодец, мыслишь по-ленински, который говорил, что “нравственно лишь то, что служит победе пролетариата”. Но куда тогда деваться писателям, которые живут на “территории совести”? До сих пор мы иногда печатали твои стихи из жалости, но теперь пусть тебя жалеет Н. Иванов.

Ерофеева-Тверская

“Сибиряки своих не предадут и принятых решений не меняют. Увидимся на съезде и обязательно победим, уважаемый Николай Федорович!”

Ст. К. Умница! Всё правильно пишет и, главное, своими словами, не повторяя чужих. Недаром я давно люблю её стихотворение “Планочка”, о котором злые языки, видимо, опричники Переверзина, до сих пор сплетничают, что оно будто за исключением двух-трёх слов принадлежит Римме Казаковой. Но я не верю этим завистникам, подкупленным грязными деньгами, чтобы опозорить честный патриотический талант Тверской-Ерофеевой.

Татьяна Набатникова

“Спасибо, дорогой Коля, за эту статью. Сейчас главное – восстановить, вернуть утраченный авторитет Союза писателей. Мелкий нуворишка Переверзин в кресле Сергея Михалкова был и остаётся нашим позором и унижением”.

Ст. К. Татьяна! “Крупными нуворишками” в Союзе писателей России был владелец банка “Изумруд” поэт А. Поздняков и его жена Татьяна, в девичестве Набатникова, при которых случился “дефолт” Союза писателей с пропажей денег, со стрельбой, с заключением поэта-нувориша Позднякова под стражу и прочим криминалом. Не будем забывать об этих подвигах лихих девяностых.

Мария Якушева

*“Вдумайтесь, какой сегодня праздник! Сретение!
Ныне отпускаю раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое...
Вот мы и увидели спасение, вот мы и можем говорить, что не зря прожили!”*

Ст. К. Не надо бы Марии так говорить, а то ведь люди могут подумать, что речь идёт о Валерии Ганичеве.

Екатерина Пионт

*“Замечательный съезд, прекрасные выступления Надежды Мирошниченко и Николая Дорошенко.
С победой Вас, Николай Фёдорович!”*

Ст. К. Да, Надежда плясала на сцене, видимо, под хмельком, ноги выбрасывала в сторону зала бесподобно, “юбкой улицу мела” – как сказано в “Двенадцати” Блока, а Дорошенко аплодировал ей громче всех.

Валентина Коростелёва

“Заслуженный авторитет Николая Фёдоровича Иванова в силах расставить все точки над i”.

Ст. К. Вспоминается студенческая частушка: “Эх, лапти мои, лапоточки мои, приходи ко мне, милёнок, ставить точки над i!”

Елена

“Земля былинного Бояна... И всегда рядом с Николаем Фёдоровичем на эту благословенную землю ступают выдающиеся представители писательского сообщества: Николай Дорошенко, Василий Дворцов, Александр Бобров и многие гении пера”.

(Глядя на эту орду гениев пера, душа былинного Бояна взлетает на крепостную стену и начинает рыдать, как Ярославна. – **Ст. К.**)

*“Дорогой Николай Иванович! Спасибо за счастье читать написанное Вашим сердцем! В школе должны изучать произведения тех писателей, с именами которых мы знакомы и у которых учимся на сайте “Российский писатель”.
Низкий поклон и благодарность! Нина Петровна Волченкова, Брянск”.*

Ст. К. Да, сайт “Российского писателя” могуч: Козырева, Набатникова, Линёва и особенно Сэда Вермишева – не о них ли сказала Цветаева: “О, вопль женщин всех времён”.

Татьяна Набатникова

“Все последние годы СП России держался на двух Ивановых – Николае и Геннадии, да воздаст им Господь за праведные труды”.

Ст. К. А ещё он держался на том, что коммуналку СПР оплачивал литфондовскими деньгами И. И. Переверзин.

Алла Линёва

“Быть может, нам его Господь в эти трудные времена открыл. И грех нам великий, если мы по достоинству не оценим, не примем”.

Ст. К. Подобное говорится в Новом Завете о Спасителе, который преобразил мир в окружении двенадцати Апостолов. Ну, а теперь у Спасителя прибавился ещё один апостол, тринадцатый.

Юрий Хабибулин

“Столько, сколько сделал Н. Ф. Иванов для Союза, на мой взгляд, не сделал никто из писателей!”

Ст. К. Конечно, никто – ни А. М. Горький, ни А. А. Фадеев, ни М. А. Шолохов, ни В. Г. Распутин, ни С. В. Михалков, ни Ю. В. Бондарев, ни В. Н. Ганичев. Никто не сделал больше Иванова.

Сергей Тимшин

“Да, провинция и писатели-рядовые за писателя-офицера Николая Фёдоровича Иванова!”

(А за кого Личутин, Крупин, Лихоносов, Прилепин, Лощиц, Проханов и прочие писатели-офицеры или даже генералы? – **Ст. К.**)

* * *

Ст. К. Прошу обратить внимание на то, каким тотальным образом, каким эмоциональным напором организована хвала двум Ивановым – Геннадию и Николаю. Сколько на сайте “Российского писателя” восторгов в их адрес, как будто они гости, сидящие за грузинским столом, а не рядовые чиновники полуживого Союза писателей, как будто они спасители всей сегодняшней российской литературы, а съезд проходит не в 2018 году, а в 1934-м и как будто в президиуме вот-вот появится сам товарищ Сталин и скажет: “Честь имею!”

С. Вермишева

*“Безоглядно честная статья. Как “быть или не быть”.
Николаю Иванову – быть!”*

Ст. К. С Иисусом Христом Иванова уже сравнили, теперь – с Гамлетом. Но коли Иванова поздравляют гамлетовскими словами, то Сэде Вермишевой было бы уместней скромно подписаться: “Офелия”.

Василий Дворцов

“Наши старцы – Куняев, Крупин, Личутин, Скворцов, Лихоносов, Машбаш, Проханов и К^о – попытались продлить свою доминанту в литературе. Красавцы СМЛ: “Вы нас не купите!”

Ст. К. Было бы что покупать. Мы к вам даже приценяться не будем. У нас хоть “доминанта” есть, а у Вас, Василий, что?

Анна Вартаньян

*“Дорогой Николай Фёдорович! Поздравляю от всего сердца!!!
Талант, благородство, истина! Во славу и радость литературы России!”*

Ст. К. Две строчки текста и шесть восклицательных! Во как надо писать!!!!

Слава Богу за всё

“Прекрасный съезд! Великие люди великой литературы великой страны! Мы находимся в эпицентре перелома истории”.

Ст. К. Главное теперь — спастись от “перелома истории”, успеть выско-
чить из “эпицентра”.

Алла Линёва

“Слава Богу! Липецк в лице Эммы Меньшиковой и Аллы Линёвой искренне, от всей души поздравляет Николая Фёдоровича и нас всех с победой!!!”

Ст. К. Липецк в лице Эммы и Аллы? Это что-то новенькое.

Эмма Меньшикова

“Ура!!! Ура!!! Ура-а-а!!!”

Ст. К. А это уже похоже на “психическую атаку”.

Сэда Вермишева

“15 февраля на съезде будет решаться судьба не только СП, но и во многом судьба поруганной и попранной страны, ее исторического бытия. Сегодня СП РФ — это Мамаев курган, и результаты победы будут так же весомы для страны, как и победа под Сталинградом! Сил и выдержки защитникам СП РФ!”

Ст. К. Вместо статуи победы на Мамаевом кургане предлагаю поставить
статуу Сэды Вермишевой и бюст Дорошенко.

Она же

“А бояться того, что, как офицер, он заведет казарменные уставы, так я поддерживаю автора, вспомнившего, кем были Лермонтов, Толстой, Гумилев и Карпов. Список можно множить теми именами, которые заставили воссиять именно Литературу, а с ней и армию, русский подвиг: Гаршин, Арсеньев, Станюкович, Гайдар, Зощенко, Бондарев, Конечский, Бадигин, да и авторы “Слова о полку Игореве”, “Задонщины” и иже, иже. Иже? Они ЧЕСТЬ ИМЕЛИ”.

Ст. К. Да, это так. Но кроме чести они имели за плечами “Войну и мир”, “Валерик”, “Герой нашего времени”, “Горячий снег”, “Школу”, “Дерсу Узала” и т. д. Так что, Владимир, сначала надо Вам вспомнить названия шедевров, написанных нашим полковником.

Александр Суворов

“Поздравляю Николая Фёдоровича Иванова с победой! У меня даже настроение поднялось. В таком Союзе писателей хочется быть, хочется и дальше работать на благо великой русской литературы”.

Ст. К. Как говорится, “и хочется и колется”. Да, Александр, великая русская литература очень нуждается в Ваших усилиях, чтобы стать ещё более великой.

VI. ЧЁРНАЯ СОЛЬ

Николай Дорошенко в своей статье, весьма развязной и не в меру лживой, желая направить ход съезда в нужное ему русло, сделал всё, что мог, чтобы унижить и оболгать Ивана Переверзина и как человека, и как поэта, и одновременно написал “Житие” воина и чуть ли не святого Николая Иванова. Поскольку Дорошенко изложил весь жизненный путь Иванова с детства и до службы в налоговой полиции, я хочу, чтобы наши читатели чуть побольше узнали и о другом сыне русского простонародья Иване Ивановиче Переверзине.

Внук столыпинского крестьянина, поселившегося в начале XX века в Якутии, и сын школьного учителя советской эпохи, солдата Великой Отечественной, Иван Переверзин родился и вырос на просторах Восточной Сибири, изрезанных многоводными реками, текущими вдоль сопок, обросших тайгой, изобилующей зверем и птицей. Естественно, что эта вольная, но трудная для жизни земля сформировала его, как человека. Я тоже в Сибири жил — и в Тайшете, и в Братске, и в Ербогачёне и знаю эту жизнь, знаю цену стихам Переверзина:

*Терпи, мужик, твоя судьба не зряшна,
Ты сам для жизни место выбирал,
Тебе не раз в тайге бывало страшно,
Лицо мороз до мяса обдирал.
Зато какие будут перемены!
Дождясь весны, прими, как Божий дар,
Синичье пенье, плеск и шёпот Лены,
Сосновый несмываемый загар.*

Этот загар до сих пор лежит на лице поэта, которого с юных лет жизнь научила косить траву, вершить стога, натаскивать на зверя собак, корчевать новину, рубить избы, ставить фундаменты, плести корзины, трелевать лес, добывать тайменя и соболя. Полжизни он отдал земным трудам, которые не помешали, а, наоборот, помогли ему почувствовать себя поэтом.

*А я всего-то, видит Бог,
любить захлёб хотел
и ширь полей, и сенный стог,
и звёздный запредел.*

“Терпи, мужик” — как тут не вспомнить поучение великого Некрасова либералам своей эпохи: “Эту привычку к труду благородную нам бы не худо с тобой перенять, благослови же работу народную и научись мужика уважать!” Вечно живые слова...

Переверзин всегда верил, что главная страница его судьбы ещё впереди, и первый шаг к ней сделал в 1969 году, когда стихи семнадцатилетнего девятиклассника были напечатаны в районной газете “Ленский коммунист”. А когда в роковом 1991 году в Якутске вышла его первая книга “Откровение дней” и её по счастливой случайности прочитал Валентин Распутин, то с его одобрения Переверзина приняли в Союз писателей России.

В 1994 году бригада “Нашего современника” прилетела в Якутию, Переверзин познакомился со мной, Сергеем Бабуриным, Юрием Кузнецовым, Александром Казинцевым, Татьяной Петровой, Геннадием Касмыниным и с тех пор стал желанным поэтом для лучшего толстого журнала России. В те годы никто из нас не знал, что Литфонд, поликлиника и Дом творчества “Малеевка” с землёй уже всюю распродалась сначала Кобенко, потом Огневым и его присными. Сейчас эта уголовщина приписывается поляковыми, огрызками, дороженками и бобровыми Ивану Переверзину, который работал в это время в Якутии аж до 2000 года, после чего переехал с женой и детьми в Москву. Вскоре Юрий Кузнецов пригласил его на Высшие литературные курсы института имени А. М. Горького в свой знаменитый поэтический семинар, великую школу которого благодарный поэт будет помнить всю жизнь. Юрий Кузнецов знал что делал.

Сибирские полки, в составе которых воевал отец Переверзина, спасли в 1941–1942 годах Москву и Сталинград. Появление его сына в столице обогатило веяньем сибирского зимнего ветра современную поэзию, во многом погрязшую в тусовочных страстишках, в патриотической риторике, в русскоязычной иронической болтовне, в кастовом либеральном высокомерии и выморочном постмодернизме — во всём том, что выдавливают из себя, как писал Юрий Кузнецов, “певцы своей узды, и шифровальщики пустот, и общих мест дрозды”. А Переверзин в это время писал своё, то что знал только он:

*Молчи! Мы уходим на Север,
туда, где, седы и сухи,
сменяют осоку и клевер —
веками растущие мхи.*

*Ещё там — огромные глыбы —
суровый, холодный гранит —
лежат, но, казалось, могли бы
подняться от грома в зенит.*

*Но немо свинцовое небо,
молчанью земли нет конца,
лишь ястреб — темно и свирепо
кричит, добывая песца.*

Я знаю эту суровую мужскую жизнь великой северной страны, этим воздухом и этим простором живут мои многие стихи, и с ними аукаются, перекликаясь, лучшие стихи Переверзина. И никаким огрызкам и дорошенкам этого не понять.

*Но разве разберёшь, о чём бормочет лес,
О чём шумит река, на плёсах замерзая,
Но разве разберёшь, о чём кричит с небес
Летящая на юг гусей полночных стая.*

Когда-то Осип Мандельштам мечтал о “крупнозернистой жизни в поэзии”. Но такая жизнь может пульсировать лишь в стихах поэтов народного мировоззрения с его чувствами, открытыми истории, природе и космосу.

“Только нет мне от века дороже / наших встреч на морозе зимой... / Взгляд поднимет она, и по коже / Будто вихрь пролетит огневой”. Постмодернизм так писать о любви не умеет. Природа, Любовь, Работа, Красота, Вера — вот “крупнозернистые” стихии, живущие в поэзии Переверзина. Но не только они. В 1993 году он, находившийся в далёком Ленске, своим русским сердцем понял вершившуюся в столице России под залпы танковых орудий трагедию, которую с глумливым восторгом, словно театральный фарс, приветствовали лакейские стихотворцы кровожадной либеральной тусовки и подписанты позорного расстрельного “письма сорока двух”.

“Наступит ночь, окна коснётся тень, / И развернётся чёрная страница. / Вот загнан я, как северный олень, / Вот словлен я, как утренняя птица. / Спасенья нет сознанию моему, / Оно в тисках печали и тревоги... / Кому я верил, те ушли во тьму, / Никто не задержался на пороге. / А новые не знают, что творят, / Им всё равно — что человек, что свёкла. / Когда ударил танковый снаряд, / По всей России вылетели стёкла. / Народ нельзя при помощи полков / Загнать в свободу, — знаешь ли, тупица? / Я вырвусь сам оленем из оков, / Я сам взлечу, как утренняя птица!”

Эти стихи стоят на водоразделе нынешнего народного сознания... У Переверзина почти нет стихотворений, в которых не ощущалось бы, по словам Цветаевой, “дуновение вдохновения”.

За 15 с лишним лет жизни в Москве Переверзин стал поэтом, известным ещё читающей России, насколько это возможно в наше время всеобщего одичания. У него вышло несколько стихотворных книг, переведённых в Болгарии, в Армении, на Украине, во Франции — везде, где хотят ещё знать литературные имена новой России. Композитор Александр Морозов, прославившийся музыкальным циклом на слова Рубцова, написал и на стихи Переверзина множество прекрасных романсов. Благодаря опыту и энергии этого таёжника, который, сочиняя стихи, одновременно учился руководить людскими коллективами на многих должностях — от директора совхоза до заместителя главы администрации района размерами с Бельгию, обрели новую жизнь совсем было угасавшие писательские структуры — Международный Литфонд, Российский Литфонд, Международный Союз писателей...

Знаменательна судьба трёх поколений семьи Переверзиных в XX веке: дед — столыпинский крестьянин, отец — сельский учитель и воин, кончивший войну капитаном при штабе Георгия Жукова, их сын и внук — истинный поэт и одновременно один из самых работающих в наше время строителей писательской жизни. Вот они — вехи Великого русско-советского пути людей нашего простонародья.

Я знаю и люблю русский Север, чёрные ручьи, вползающие из клюквенных и морошковых болот в порожистые реки, тёмное небо, откуда по вечерам, вспыхивающим северными сияниями, доносится гусиный гогот, первый снежок на старенькой палатке, сёмга, выпрыгнувшая из ледяной воды, светлая рыба, как зовут её поморы. И когда я читаю иные стихи потомственного сибиряка Ивана Переверзина — я чувствую в нём родную душу.

*Настанет день — и мы уедем
На дальний Север, где в лесу
Малиной кормятся медведи
И пьют тетерева росу.
Где в небесах, открытых взгляду,
Встаёт над сопками закат
И ясным пламенем расподок
На вечной мерзлоте распят.*

*Где Лена катит от истока
Сквозь всей России ширину
Весной без отдыха, без срока,
К торосам Арктики волну.*

*Где ничего не позабудешь,
Что хоть однажды увидал:
Как зверя бьёшь, как рыбу дишь,
Кого любил и целовал.*

*Морозы долгие и злые
Грядут задолго до зимы...
О, путь на Север, дни былые,
Где сердцем в сердце вмёрзли мы!*

Восхищаюсь и завидую поэту, написавшему это стихотворение. Как жаль, что не я его написал. . .

Иван не просто пишет стихи — он живёт ими в то время, когда пишет их. И это понимали многие литераторы, кто писал о нём: поэт Станислав Золотцев и литературовед Лев Аннинский, северный человек Валентин Устинов и ветеран Великой Отечественной Виктор Кочетков, популярнейший наш критик Владимир Бондаренко и лукавейший, но умнейший литературовед Феликс Кузнецов. И это в то время, когда никто из них и не думал о какой-то “выгоде” от Переверзина. То есть писали бескорыстно.

Но, пожалуй, глубже всех литераторов написал кистью о Переверзине Илья Сергеевич Глазунов, не случайно поместивший в свою картинную галерею всего лишь четыре портрета современных русских писателей — Владимира Солоухина, Валентина Распутина и два портрета Ивана Переверзина. Я видел эти портреты. Там написаны не просто лица людей, но их сущности. Среди трёх сущностей выделяется сущность Переверзина — одна сущность называется “Портрет поэта”, другая “Меценат Иван Переверзин”.

Глазунов должен был писать один портрет, но Переверзин приехал к художнику в костюме и галстук. Глазунов недовольно встрепенулся: — Какой из тебя поэт в костюме и галстук! — снимай галстук и пиджак. . . Но, видя растерянность и сомнения Переверзина, смилостивился: — Ладно, напишу тебя дважды — в рубашке, как поэта, и в костюме с галстуком, как мецената. . . Так оно и произошло. В картине “поэт” — натурщик смотрит в себя, взгляд сосредоточен и суров, на лице морщины; в картине “меценат” — взгляд открыт — на лице улыбка с хитрецей. . . Закончив оба эти портрета, Глазунов — в ответ на попытку Ивана вручить художнику гонорар — сказал: — Я с друзей и выдающихся людей денег не беру. . . — Интересно, какие

будущие художники создадут портреты Огрызки, Иванова, Дорошенко... И за сколько.

В заключение привожу одно из множества писем Светланы Сырневой, которая присоединилась к похвалам Вячеслава Лютото в честь Иванова-полковника, а заодно, как и многие наши поэтессы, пнула своим французским каблучком, конечно же, Переверзина. А кого же? Со мной она уже рассчиталась и сказала всё. Теперь ей понадобилась очередная жертва:

Светлана Сырнева

“Полностью присоединяюсь к очень взвешенному и мудрому комментарию Вячеслава Лютото и поддерживаю кандидатуру Николая Фёдоровича Иванова. Мы знаем его как хорошего писателя и человека чести, продолжателя лучших традиций Союза.

Увы, Переверзин видится мне как Крошка Цахес современной словесности. У меня нет того увеличительного стекла, сквозь которое я могла бы рассмотреть его всевозможные достоинства. Неужели деньги затмили всё?! Станислав Юрьевич, опомнитесь, Вы же умный человек! Вы войдёте в историю литературы, – но лучше бы без Переверзина на шее”.

Ст. К. Не могу оставить это письмо Светланы без ответа: “Знаешь, Светлана, Переверзин войдёт в историю литературы сам своей дорогой, на своё место, и не опираясь на мою шею. А вот вас с Надей Мирошниченко и ещё с несколькими, как писал Смеляков, “кошечками полусвета”, мне, конечно, придётся тащить на своей шее в неведомое будущее всю оставшуюся жизнь – так много комплиментов вы мне раздали, что не отмыть от них мне свою шею... Сбрасывать Вас – не сбросишь, цепляться своими коготками Вы умеете.

Поклон Вам от великодушного Ивана Переверзина. Он умеет, в отличие от меня, молча терпеть предательство. Жизнь научила. Что подтверждает вот это его стихотворение:

ЧЁРНАЯ СОЛЬ

*Не думал я... И — думать не хочу
о жизни, пролетевшей, словно ветер.
Теперь бы мне немного первачу,
да и уснуть, забыв о всём на свете.*

*А что ещё я предложит горазд
своей душе, спалённой напрочь болью, —
ведь это время, если не предаст,
то раны мне посыплет чёрной солью.*

* * *

Итак за четыре года с 1998-го по 2002-й, когда Юрий Кузнецов единолично царствовал в отделе поэзии журнала (такое условие он поставил мне, придя в “Наш современник”), он по своей воле, не советуясь со мной, четырежды опубликовал стихи Ивана Переверзина. И эти подборки были небывалые по объёму, чем я был недоволен. Бывало, что журналу нужны были несколько дополнительных полос. Что сократить? Стихи проще всего, однако Юрий Поликарпович был неумолим. В сентябрьском номере журнала за 1998 год он напечатал подборку Переверзина, состоящую из девяти стихотворений. В октябрьском номере двухтысячного года из десяти... В августовском номере двестишестьдесят первого года уже из одиннадцати. А в августовском номере 2002 года, что просто поразило меня, Юрий Поликарпович опубликовал (за год до своей смерти) аж 20 стихотворений “поэта-хозяйственника”, как сейчас пытаются оскорбить Переверзина всяческие околотитературные шавки.

Итак, в четырёх номерах журнала Юрий Поликарпович опубликовал 50 стихотворений ещё мало известного поэта, лишь недавно приехавшего из Якутии в Москву. Целая стихотворная книга! Таким количеством стихотворных публикаций в лучшем русском журнале не могли похвастаться многие

широко известные и печатавшиеся в тот же отрезок времени поэты — ни Виктор Боков, ни Фёдор Сухов, ни Николай Тряпкин, ни Виктор Кочетков, ни Глеб Горбовский, ни Владимир Костров, ни Ольга Фокина, ни даже вместе взятые Шерочка с Машерочкой, то есть Светлана Сырнева и Надюша Мирошниченко.

А если какой-нибудь огрызок или дорошенок нагло заявит, что Юрий Поликарпович печатал Переверзина в журнале за деньги, что “купил” его, то я первый плюну в его живые глаза.

Хорошо помню, как я зашёл в кабинет к Кузнецову, который отбирал из толстой пачки стихотворений у Переверзина, сидевшего рядом, подборку для “Нашего современника”. Поликарпыч внимательно читал стихи одно за другим и откладывал в тоненькую стопку от себя вправо. Что не годилось для журнала, откладывал влево. Правая стопочка росла медленно — левая быстрее. Когда работа была закончена, Кузнецов потряс тоненькой пачкой, где было не более десятка стихотворений, и сказал: — Это я беру! — А это! — тут он взял стопку из тридцати-сорока стихотворений, — неси в “Юность”... Это означало, что стихи достойны печати, но не в “Нашем современнике”.

VII. ПЕЧАЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

Наш 15-й писательский съезд, состоявшийся 15 февраля, через 2–3 дня после окончания подвёл итоги. Вся писательская власть на всех уровнях была выбрана. Довольные праздновали победу, недовольные негодовали, но тем не менее что свершилось — то свершилось. Новому секретариату Союза писателей России надо было начинать работу.

Но тут случилось неожиданное и горестное событие. 27 февраля на сайте московской мэрии появилось сообщение, что умерла известнейшая русская поэтесса и общественная деятельница Лариса Васильева. Вклад её в современную русскую литературу весьма значителен. В первую очередь, конечно же, её стихотворения и поэмы, которые в своё время так разгневали коммунистического партийного расстригу Александра Яковлева (будущего архитектора перестройки) с его многочисленными клеветами, что вся эта свора заклеяла как “русских националистов” и “славянофилов” — саму Ларису Николаевну, Валентина Сорокина, Валентина Сидорова, Виктора Бокова, Феликса Чуева, вместе с русскими критиками-мыслителями — Михаилом Лобановым, Виктором Чалмаевым, Сергеем Семановым, Анатолием Ланшиковым, Олегом Михайловым, Вадимом Кожиновым. А ведь это был цвет русской мысли в то переломное время, оборванный руками русофобов.

Но заставить замолчать и уйти из общественной жизни Ларису Васильеву выродку-русофобу не удалось, потому что она была дочерью одного из тех конструкторов и организаторов танкового производства на Урале, которые создали знаменитую “тридцатьчетвёрку”, во многом обеспечившую нам победу в войне. И Лариса Николаевна в их честь и, конечно, в честь своего отца Николая Кучеренко, о котором написала “Книгу об отце”, совершила подвиг, создав в подмосковной деревне Марфино Мытищинского района музейный мемориальный комплекс “История танка Т-34”.

А сколько книг написала она своей женской рукой об истории отечества: “Жёны русской короны”, “Жена и муза. Тайна Александра Пушкина”, “Кремлёвские жёны”, “Дети Кремля” — что ни книга, то успех, победа, вклад в отечественную культуру. Последняя из них, которую она мне подарила — это “Путешествие друзей с врагами” — книга о шестидесятниках (2015 г.) А если всё подытоживать — то рукою этой красивой и хрупкой женщины, начиная с 70-х годов, написано несколько десятков книг разных жанров, многие из которых достойны любой премии и долгой жизни.

И вот она умерла 27 февраля сего года. Когда и где, на каком кладбище и в какое время состоятся её похороны, никто из нас не знал. Новое руководство Союза писателей, которое было обязано и по службе, и по дружбе, и по нашим внутрисписательским обычаям сделать всё, чтобы друзья и подруги Ларисы попрощались с нею, чтобы её ровесники пришли на кладбище, как будто ушло в подполье. В 12 часов дня 2 марта мне позвонил мой друг Альберт Лиханов и сообщил, что через час начнётся прощание с Ларисой на Троекуровском кладбище. В это время, спасая остатки своего зрения, я принимал

процедуры в офтальмологической клинике на другом конце Москвы, процедуры нельзя было прервать, да и, конечно, я в любом случае не успевал на кладбище, разве что на вертолёте. Тогда я сразу же позвонил Ганичеву. Его дочь ответила мне, что отец плохо себя чувствует. А на мой вопрос, где нынешний председатель правления СП России Н. Иванов и его заместитель С. Котыкало, ответила, что они на гражданской панихиде быть не могут, потому что уезжают на встречу с митрополитом Климентом, руководителем издательского совета Патриархии. Я, опешивший от такого поворота событий, закричал, что с митрополитом можно встретиться ещё десятки раз, а с Ларисой Николаевной – это последняя встреча! Но Марина Ганичева меня уже не слышала – на том конце связи её телефон уже молчал. Тогда из того же офтальмологического кабинета я позвонил Лиханову и, узнав, что он подъезжает к кладбищу, попросил его: – Алик, слава Богу, что хоть ты спасёшь Союз писателей от позора. Если там их не будет – скажи, что она была любимым автором журнала “Наш современник”, – возьми временно обязанности нового председателя СП России на себя, попрощайся с ней по-человечески от имени всех писателей.

Вскоре Альберт позвонил мне в клинику и успокоил меня, сказав, что всё прошло достойно, что на прощание с Васильевой пришли не только сотрудники её музея, но и немало женщин из отдела культуры московской мэрии. Но из писателей он никого не видел. А напоследок добавил: – Знаешь, Стасик, откуда я сегодня утром узнал о месте и времени её похорон? – Мне утром часов в 11 об этом сообщил из Улан-Удэ Сергей Шаргунов. . .

Слава Богу, хоть наш кандидат в председатели Союза сделал всё, что мог, и что благодаря ему можно поздравить новое руководство Союза писателей с началом общественно-трудовой деятельности. . .

А может, слишком они надорвались на съезде. Отдыхают. . . – А веночек от писателей был? – Нет, я его не видел, – печально ответил мне Алик Лиханов.

* * *

Если судить по отзывам на наш мировоззренческий спор о современной поэзии, то имена, определяющие её развитие и состояние, будут не те, которыми мы жили несколько последних десятилетий. Это будут не Юрий Кузнецов, не Николай Рубцов, не Анатолий Передреев, не Виктор Лапшин, не Михаил Вишняков, не Глеб Горбовский, не Александр Кушнер, не Николай Дмитриев, не Михаил Анищенко, а беспрестанно поучающие нас со страниц дорошенковского сайта Сэда Вермишева, Григорий Блехман, Светлана Коростелёва, Владимир Подлuzский, Нина Волченкова, Ирина Барышева и т. д. Сюда же со своей оценкой нынешней литературы затесались Татьяна Набатникова, Алла Линёва, Светлана Курач и Ерофеева-Тверская.

Вот кто теперь формирует наши общественные вкусы, куда до них всяческим Кожинным, Золотусским, Львам Аннинским и прочим, говоря словами Саши Боброва, “старцам”. И печататься этим новым создателям интернетно-поэтической помощи надо не в износившемся от времени “Нашем современнике”, а на дорошенковском сайте, отныне главном идеологическом и художественном органе писателей России.

* * *

После окончания съезда Николай Иванов произнёс и распечатал благодарственное слово всем своим соратникам, участвовавшим 15 февраля в победительном голосовании.

Его обращение к ним звучало торжественно и высокопарно: **“отдавать последние патроны товарищу”, “проиграв, Вы могли бы лишиться многого”, “мы провели свою съездовскую партию, как по нотам”, “остались верны Бондареву, Распутину, Белову, Шукшину”**. . .

А вот тут поумерим с восторгами: “оставаться верными Бондареву, Распутину, Белову, Шукшину” можно лишь создавая произведения, равноценные “Горячему снегу”, “Прощанию с Матёрой”, “Привычному делу”, “Калине красной”, а в активе наших победителей были лишь статейки, правда ставшие

скандально известными, написанные ловкими ручонками Дорошенко, Огрызко, Боброва и прочих делегатов съезда.

“После голосования некоторые гости съезда, – заявил победивший полковник, – вкрадчиво спросили: ты знаешь цену этой победы”, на что победитель ответил: **“знаю”**.

Конечно же, сведущий человек, он знал, что победа пришла благодаря потокам хамства и лжи, вылитых на всех несогласных со страниц “Российского писателя”, “Советской России”, “Литературной России” и множества всяческих сайтов, что победа пришла при помощи слов о “кумовстве”, брошенных в переполненный зал, забывший, что кумовство в руководстве Союза писателей процветает с 1994 года, и что, проголосовав сегодня за “партию победителей”, они своими голосами продлят власть этого заматерелого кумовства ещё на 5 лет, что победа не могла быть одержана без незаконного изменения квот на избрание делегатов, получивших право голоса, что победа пришла в результате явного отстранения от реального участия на съезде многих писателей старшего поколения. Молодцы, Троцкий тоже делал ставку на молодёжь. Эта победа была похожа на принятие конституции 1993 года, о чём сказал один из тогдашних победителей Бурбулис: “мы эту конституцию через ж. .у, но протащили. . .”

Р. S.

6 марта сего года состоялось заседание нового (а на деле того же самого) секретариата Союза писателей России, на котором было принято небывалое в писательской жизни решение: “За утрату доверия приостановить членство в институте сопредседателей Переверзина Ивана Ивановича и Середина Владимира Григорьевича.

Поставить вопрос об исключении Переверзина И. И. и Середина В. Г. из института сопредседателей на ближайшем заседании правления (плenums) СП России”.

Ну что на это сказать. Разве то, что Иванов сразу же расписался в своей служебной импотенции, в непонимании того, что иметь дело с писателями – это не то что с полицейским налоговиками.

До сих пор вершиной бюрократического словоблудия было освобождение от должности “за утрату доверия” московского мэра Лужкова, уволенного с выборной должности премьером Медведевым. Теперь этот бюрократический перл принят на вооружение полковником Ивановым. После этого я могу опереться на опыт премьера и полковника и заявить от себя, что нынешнее руководство Союза писателей России за безобразное проведение нашего съезда в моих глазах “утратило всякое доверие” к себе. С такого рода руководителями я не могу состоять и заседать рядом ни в одном из органов съезда. Поэтому слагаю с себя почётную должность сопредседателя, а также выхожу из состава правления СП России, куда меня включили, не получив на то моего согласия. Я имею на это полное право хотя бы потому, что в результате недостойных интриг и махинаций “имеющего честь” руководства СП России я не был избран делегатом съезда. А дальнейшее моё скоропальтельное “доизбрание”, которое произошло ради снисания “чести полковничьего мундира”, также было незаконным, как и многие другие решения съезда.

С победой вас, дорогие товарищи “комсомольцы”!

Станислав КУНЯЕВ